

От автора бестселлера

"Песни подчинения"

Сопротивление.

"Песни вечных мук"

Книга 1

К.Д. Рейсс

[VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY](https://vk.com/fashionable_library)

Annotation

Фиона Дрейзен — сексуально зависимая сабмиссив, светская львица, запертая в психиатрической клинике до тех пор, пока доктор Эллиот Чепмэн не поможет ей вспомнить причины, по которым она там оказалась. Но как только она вспомнит, то уже не захочет вернуться к Мастеру, которого пыталась убить.

Щиколотки были скованы. Когда я перевернулась на бок, цепь между оковами зазвенела, а сталь врезалась в кости, когда я свела ноги вместе.

Мой мозг заработал с удвоенной скоростью, когда я почувствовала тяжесть металла на своей коже, и, сжав бёдра, ощутила неутолимый водоворот похоти. Это всецело поглощало меня. Дикон не стал бы надевать на меня железные кандалы, как и я не стала бы сжимать их сильнее, чем было необходимо, чтобы почувствовать его власть надо мной. Он и так виртуозно играл мною, словно на музыкальном инструменте.

Я не знала, что произошло.

Последнее, что я помнила, — дождь.

Нет. Последнее, что помнила, — то, как Дикон вошёл в подвал, где не было никого, кроме меня, и где нас окутывали лишь удовольствие и боль.

Нет.

Это было сопение Снежка: он фыркнул и ударил копытом об пол конюшни. Я слегка придержала его. Мысли пронеслись в моей голове... Он — медленный. Всё кончено. Он — медленный. Он — старый. Всё кончено. Он больше не может держать удила. Он — медленный. Мои мысли повторялись, словно кто-то включил одну и ту же пластинку.

Последнее, что я помнила, — то, как свисала с потолка и слушала стук дождевых капель по стеклу на окне. В Лос-Анжелесе никогда не было дождя, но, когда он начинался, лило, будто во время Великого потопа.

Последнее, что я помнила, — влажные бёдра. Мне было так больно, что я не могла сидеть. Я думала о сексе. Искала кого-то, кто мог бы меня трахнуть.

Было очень много секса.

Последнее, что я помнила, — то, как втянула носом кокаин с сисек Аманды.

А потом?

Ничего.

Тревога накапливалась в моей груди словно пусковой механизм, готовый вот-вот выстрелить, но мне не было страшно. Я знала, что не мыслила здраво, а в голове была лишь каша из эмоций и незаконченных предложений. Перед глазами мелькали цвета. Я начала видеть их, когда вокруг повисла мёртвая тишина. Агрессивный белый цвет над ослепительными ангелами по углам. Маленькое пространство и мягкая обивка стен представляли собой некую сущность, держащую в своих руках контроль. Это тюрьма? Больница? Была ли я всё ещё в штатах? Когда Дикон придёт за мной?

Скоро.

Он придёт совсем скоро, и всё снова будет под контролем.

А до тех пор я подчинюсь туману моих не до конца сформировавшихся мыслей, и всё будет в порядке.

* * *

— Ты знаешь, где находишься?

Его голос был таким мягким, словно морская гладь, с ноткой, характерной для

джазового певца, но я его не узнала. Никогда не слышала такого голоса: хриплого и мягкого, как густой крем, как сатиновая простынь на идеальной поверхности прибрежного песка. Я посмотрела на белый туман, но увидела лишь чёрное пятно, от которого и доносился голос. Это не коп. Не адвокат. И не медбрат скорой помощи.

— Нет, — прохрипела я.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов. Хорошо?

Я кивнула. Я не понимала, насколько тихо было в комнате, пока не зашуршала простыня, которая, коснувшись моего уха, создала такой звук, словно над ним ударили по струнам электрогитары, включив мощность звучания на всю катушку.

— Ты можешь хотя бы сказать, как тебя зовут?

Он не был громким. Этот голос. Он напоминал мне голос Дикона. В нём была своя нотка властности, но, в отличие от голоса Мастера, он был нежным.

Я прочистила горло:

— Фиона.

— Привет, Фиона. Меня зовут доктор Чепмэн. Но ты можешь называть меня Эллиот.

Зрение понемногу возвращалось ко мне. То, что казалось мне чёрным пятном, превратилось в овальное лицо с зелёными глазами и русыми волосами. Кожа собралась морщинками возле его глаз, но рот говорил о том, что мужчина был молод. Ему было под или едва за тридцать. Как Дикону. Возможно, как раз тридцать лет.

— Хорошо, — произнёс он, наклонившись ко мне, чтобы я могла его увидеть. — Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Где ты живёшь?

Это было сложным вопросом со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Что первым приходит на ум? — спросил доктор.

— Манди Стрит, 3.

Он кивнул. Наверное, его удовлетворил мой ответ.

— Тебе нужно умыться, поесть. А потом мы сможем поговорить.

Я кивнула. Шум в моих ушах понемногу стихал. Он встал и подошёл к белой двери с маленьким окошечком на уровне лица.

— Где я? — спросила я.

— В психиатрической лечебнице Вестонвуда.

* * *

Еду принесли на металлическом подносе прямо в палату. Много съесть не получилось. Показали маленькую ванную, где мне предстояло привести себя в порядок и переодеться из одной бледно-голубой больничной рубашки в другую. Мне было наплевать на микробов и невымытые руки, но в моей голове мозг превращался в мягкую субстанцию, и что-то казалось не так с этим местом, этой комнатой и одеждой.

Дикон найдёт меня. Сейчас он уже наверняка в каком-нибудь кабинете требует моего освобождения из этой психиатрической лечебницы. У него всегда были свои методы поисков меня, даже когда я убегала. Словно мы были связаны нитью. Неважно, как далеко я бы забралась или как быстро бежала, он всё знал. Если я и могла рассчитывать на кого-то в

этом мире, то это был он. И он уже близко. Всё, что требуется от меня, это соблюдать рамки приличия до его приезда.

Всего лишь мысли о нём — о костях его запястий, о мышцах, игравших под его кожей, когда он связывал моё тело, его рычание — это всё *моё, моё, моё*, и от этого волна удовольствия поднялась вверх по моим ногам.

Я знала, кем была. Знаменитостью без таланта. Богатой наследницей. Шлюхой. Бомбой, которая должна была вот-вот взорваться. Наркоманкой. Я полностью принадлежала ему. Принадлежала Дикону. По крайней мере, так я знала своё место в этом хаосе.

Я сидела на краю своей кровати и ощущала, как головная боль расплзалась по черепу, оккупировала виски и уже подбиралась к затылку. Когда боль достигла своего пика, я увидела всё чётко. Несмотря на то, что я так и не смогла вспомнить ничего нового, во мне зародилось сильное волнение по этому поводу. Я собирала детали.

Кованые решётки на окнах палаты имели своеобразный узор. Дверной ручки не было. Стены обиты замшевой тканью. Полы из пробкового дерева. Мягкая деревянная кровать с простынями из египетского хлопка.

Вокруг меня были люди. Я не видела их, только чувствовала. На интуитивном уровне. Как долго я находилась в своём бреду? И когда наконец-то выберусь из него?

Последнее, что я помнила... Что было моим последним воспоминанием? Это был Дикон на кухне дома номер 3 в своих спортивных штанах и без рубашки. Он протягивал ко мне руки. Говорил что-то. Умолял. Он говорил, что я должна сопротивляться. Какое сопротивление он имел в виду? Что это значило? Было ли это на кухне или в конюшне? Где бы это ни было, шёл дождь. Дикон был в ярости, но и покорный в то же время — две вещи, которые я прежде в нём никогда не видела.

Каким было моё последнее воспоминание? Что бы это ни было, но оно привело меня сюда.

Вечеринка с красными и голубыми огнями была похожа на сон.

Но я не уверена, была ли вечеринка до или после голубых и красных огней. Я стояла на коленях и опиралась на руки. Под кайфом. Таким сильным, что не чувствовала под собой земли. Моя боль превратилась в удовольствие, а я так отчаянно хотела его.

Я не могла сложить куски в единую картину. Может быть, я переборщила с кокаином? Это выведет Дикона из себя. Я попрошу прощения. Он свяжет меня, и всё снова станет хорошо.

Последнее, что я помнила... Дикон ушёл. Он опустил своё лицо в ложбинку у основания моей шеи. До меня донеслись его мятное дыхание и запах сандалового дерева. Дикон сел в лимузин, а я смотрела ему вслед, пока тот спускался вниз и исчезал за воротами частного дома, разбрызгивая воду из-под колёс. Манди Стрит. Налево от дома Дебби и Мартина.

Рождество.

Он сказал, что вернётся к Рождеству.

Особняк казался таким большим, что я подумывала провести неделю дома в Бель-Эйр^[1]. Избегая Дебби. Избегая Мартина. Взглядов. Их характеры были мне не по душе. Но я могла их выдержать. Могла выдержать что угодно. Я была сильной.

Стоит ли вообще вспоминать то принятое решение? Что последнее *случилось* со мной?

Я помнила лишь вещи, произошедшие со мной давным-давно. То, как он связал меня в последний раз, стало моим любимым. Дикон подвесил меня к свисающим с потолка крюкам, оттуда также свисали верёвки с узлами в необходимых местах. С помощью этих

верёвок он превращал моё тело в шедевр искусства «шибари». На мне не было одежды, спина была выгнута дугой, словно я падала с небес, а он лежал на полу, лаская мои плечи и голову. Я чувствовала спокойствие каждый раз, когда он связывал меня, и, когда это становилось частью шедевра, вся тревога, которая могла ещё остаться в моём сердце, просто таяла.

Я слабо помнила лошадь, но, скорее всего, она мне просто приснилась. Месяцами я даже близко не подходила к лошадям. А может, и годами.

И потом... Эта вечеринка... Узлы на коже... Лосьон...

Капля чего-то, от чего в моём носу защипало.

Когда это было? Вчера? В прошлом месяце? Это вообще было?

А теперь я находилась здесь. В Вестонвуде.

Пиздец.

Пообедав в маленькой серой комнатухе и спустившись на лифте из нержавеющей стали в унылое просторное фойе, я оказалась в офисе, где, как мне показалось, был неприятный запах. Во всём можно было обвинить мою головную боль, от которой я всё воспринимала тяжелее, или же яркие цвета, окружившие меня.

Бледно-синие шторы закрывали окно, по которому скатывались капли дождя. Лампа с зелёным плафоном. Дорогие панели на стенах и столах. Ковры цвета бургунди. Я зажмурила глаза. Было больно даже от приглушенного света настольной зелёной лампы.

— Спасибо, Берни, — ответил доктор Чепмэн, стоявший в углу комнаты.

На нём был серый пиджак и серо-зелёный джемпер поверх белой рубашки. Его голос не вызывал боль, но, несмотря на то, что Берни закрыл дверь после указания доктора, я всё равно чувствовала себя так, будто кто-то огрел меня по голове монтировкой.

— Мучаетесь от головной боли? — спросил доктор. Я кивнула и услышала его вздох. — За те деньги, которые платят за ваше пребывание здесь, они найдут для вас лучшее болеутоляющее, — он опустил руку в ящик стола и достал оттуда баночку с дежурными таблетками. — Я дам вам воды.

Я протянула руку за таблетками:

— Она мне не нужна.

Доктор положил две таблетки на мою ладонь. Я не убрала руку, только шире расставила пальцы. Он добавил ещё две. Я всё держала руку перед собой.

— Хватит, — произнёс он.

Я забросила их в рот и проглотила. Одна таблетка зацепилась за корень языка, оставляя после себя горький, обжигающий след, но я справилась и с ним.

— Не хотите присесть? — он спрятал баночку и запер ящик стола на ключ.

— Это вопрос? Или что-то типа того?

— Это предложение, сформулированное в виде вопроса.

По левую сторону от меня стояло старое кресло, обитое мягкой кожей зелёного цвета. Я прикоснулась к медным заклёпкам, крепившим кожу к каркасу, а потом опустилась на него. Доктор Чепмэн сел за свой стол, положив правый локоть на подлокотник своего кресла. Я не знала, стоило ли мне начать задавать свои вопросы о том, что случилось, и где я была. Стоило ли мне выдать ему всё, что я вспомнила, или нужно было просто спросить его о том, в каком же дерьме я оказалась, и когда Дикон вытащит меня отсюда?

Но он сделал всё за меня.

— Вы можете сказать мне, какое последнее событие запомнили?

Я окаменела. Рот онемел. Не могла сказать ему.

— Когда я могу отсюда уйти?

— Вы думаете, вам пора уходить?

— А вы думаете, мне нужно здесь остаться?

— Сейчас важно то, что вы думаете, — ответил он.

— Это для *вас* важно знать то, что я думаю, а для меня важно то, что думаете вы. Так что начинайте.

Он провёл средним пальцем по верхней губе, а потом опустил руку. Станный жест.

— Вы здесь ради вашей безопасности. Ваша семья заплатила за это, беспокоясь о вас. У

меня есть семьдесят два часа, чтобы определить, представляете ли вы угрозу для себя и окружающих.

— Как я могу быть угрозой?

— Вы не помните?

— Вы знаете, что не помню.

Он поставил локти на стол и посмотрел прямо в мои глаза. Я хотела узнать, что увидел в них он, а не то, что видели все: девушку с вечеринок с постоянной улыбкой и раздвинутыми ногами. Ебанутую принцессу со своей свитой и двумя «Бентли» в гараже. Но помимо этого мне было интересно, сколько ему лет. Он выглядел таким молодым и таким мудрым одновременно.

— Я скажу вам, почему вы здесь, — начал он нежным голосом, — но хочу предупредить, что ваш мозг заблокировал эти воспоминания скорее всего потому, что для вас они болезненны.

— Хорошо.

Я не поверила, но позволила ему думать, что они заблокированы. Причина, по которой я ничего не помнила, заключалась в том, что я была пьяна или под кайфом. Какую бы хрень я не приняла тогда на вечеринке, мой мозг ещё не включился.

Наверное, я плохо себя вела, но мне никогда не будет за это стыдно. Ведь я не помнила этого. Я попадала в автомобильную аварию из-за того, что садилась пьяной за руль. Принимала сильнодействующие таблетки. Меня трахали по кругу несколько парней и после этого бросали на аллее. Я убила случайного папарацци. Одного из той самой «свиты», которая выводила меня из себя. Это всё, чего боялась моя мать, и всё, на что отец просто закрывал глаза.

— Вы заставляете меня нервничать, — прошептала я, а моя головная боль утихла.

— Вы знаете Дикона Брюса?

Я так редко слышала его фамилию, что иногда даже забывала её.

— Да.

— Вы помните, кем он вам приходится?

— Да.

Я отказывалась рассказывать дальше. Он был моей безопасностью. Моим контролем. Центром моей жизни. Без него всё теряло свой смысл.

И он придёт за мной. Всё, что мне нужно сделать, это продержаться.

— Мне было бы легче рассказывать, если бы вы сказали, что помните.

— Я ничего не помню.

— Вы помните, как пошли в конюшню в Брэнвине вчера?

— Я годами не была в конюшне, — в этот момент на задворках моего сознания меня кольнуло воспоминание. Грудь словно стянули корсетом. Мне хотелось расплакаться, но я не знала почему. — Просто скажите мне, доктор.

— Называйте меня Эллиот.

— Блядь, просто скажите мне! Сейчас же!

— Вы можете успокоиться?

Я проглотила горький, болезненный ком в горле.

— Да. Я в порядке. Да, — прошло несколько секунд. Он наблюдал за мной, видя, как во мне разрастается тревога. — Я в порядке, — произнесла я. — Вы можете сказать мне. Я выдержу.

— Мы не знаем, что точно случилось. Некоторых деталей не хватает. Мистер Брюс ещё не может ответить на вопросы.

Я пыталась держать себя под контролем, вцепившись пальцами в обивку кресла. Он увидел, как побелели костяшки моих пальцев. Я знала это, но мне больше некуда было деть своё напряжение.

— Продолжайте, — сказала я.

— Некоторые вещи мы знаем наверняка, но остались и вопросы. Если вы вспомните хотя бы часть из того, что я вам скажу, то, пожалуйста, сообщите мне.

— С Диконом всё в порядке?

Он прочистил горло и посмотрел в сторону, прежде чем снова заговорить со мной. Я поняла, что он совершенно не хотел рассказывать мне, и моя тревога переросла в панику.

— Вы ударили Дикона ножом в грудь.

Я проснулась, будучи привязанной к кровати, а в голове был сплошной туман. Потом меня отвели в комнату к лысоватому доктору и медсестре, лица которых я не смогла рассмотреть сквозь пелену перед глазами.

Доктор запинаясь и тянул звуки, пока пытался прочитать медсестре то, что было написано в моей карточке. Я едва ли могла разобрать, что он говорил, и плохо помнила, что случилось несколько часов назад. Я напала на кого-то? На своего врача? Я извинюсь. Он показался мне добрым. Я надеялась, что не навредила ему. Что же он сказал такое, выведшее меня из себя? Нечто о том, что я сделала. Он назвал причину, по которой я была здесь.

Я была в потрясающей физической форме. Знала это из-за того, что подвешивание девушки к потолку являлось довольно нелёгким делом, которое занимало часы работы, дни практики и требовало крепкой силы воли и физической силы как от меня, так и от того, кто делал это со мной. А Дикон — Мастер Дикон — не терял время попусту. Мне нужно было забыть о кокаине, вычеркнуть алкоголь из своей жизни и спать по восемь часов в день, даже если это означало ложиться, когда солнце ещё не село. Он часто следил за тем, чем я питалась, делала ли зарядку по утрам, и удерживал меня подальше от всякой дряни. И это того стоило.

Но я всё равно оказалась в этом месте.

Дикон далеко?

Если бы он был здесь, то я бы не сделала того, что совершила, из-за чего очутилась в Вестонвуде. Он бы пришёл и сделал...Что-то. Что-то было не так. Что-то с Диконом. Я не могла понять, что именно, это было похоже на детскую забаву, но улыбаться от этого не хотелось. Моё сердце ускоряло свой темп в те моменты, когда я начинала думать об этом. Меня начала раздражать медсестра, которая приподняла моё запястье и бормотала что-то невнятное, словно меня не было в комнате. Она отвлекала от мыслей, а мне нужно было подумать. Факты были скрыты от моего сознания под слоем песка, и я пыталась откопать их, но эта сучка постоянно отвлекала меня.

Доктор осмотрел мои зубы и постучал по одному из них, коренному. Челюсть пронзила боль, и я оттолкнула его с такой силой, что он снёс на своём пути поднос с инструментами.

Чёртовы таблетки. Меня снова напичкают ими, чтобы успокоить. Как только свернусь в калачик на своей кровати, кожа снова начнёт чесаться, и я не смогу уснуть, а подсознание опять сыграет со мной в игру «помню-не помню». Я провела очень много времени, пытаюсь убежать от своих мыслей. Вообще-то это происходило почти каждый день. Я даже приноровилась к такому повороту событий. У меня никогда не получалось сфокусироваться на чём-то конкретном.

Но если быть более точной, то я тонула в своих мыслях и не всегда могла выбраться из их водоворота. Когда доктор сказал мне, что я совершала нечто ужасное, то была уверена — меня обманывают. Не нашла в себе ни сил, ни способности осмыслить его слова. Я совершила что-то, не подумав. Мои намерения быть примерной канули в Лету, и я руками вцепилась в горло доктора. Вспомнила, как меня оглушили мои же крики. Потом меня связали. Ещё я вспомнила укол.

Все эти воспоминания окружили в тот момент, когда я проснулась в своей кровати в психиатрической клинике. Мой мозг больше не принадлежал мне. Я могла отделить

настоящие мысли от бреда, кружившегося в моей голове из-за таблеток. Он был похож на густой туман, а настоящие мысли превращались в чёрные дыры, в которых должна была быть информация. Перед глазами пролетали отрывки, словно кто-то включил быструю перемотку фильма. Только вот комедия превратилась даже не в триллер, а в самый жуткий фильм ужасов, где жертву заперли за решёткой, и всё, что ей остаётся, это кричать: «АААААААА!».

Я ударила Дикона ножом в грудь.

Нет. Это ложь.

Ты знаешь, что это правда.

Нет.

Да.

Нет.

Ты сделала это.

Никогда.

Я повернула голову. В этой комнате ничего не могло вывести меня из себя. Все предметы были лишены смысла. Комната была такой же унылой, хоть и купалась в лучах солнца, а в углу зайчиками отсвечивал серебряный диск.

Камера.

Если бы я закричала — а я всё ещё верила, что могу это сделать — они бы узнали и пришли сюда. Или нет. Я не была готова выяснить это.

Меня привязывали к кровати на длительные промежутки времени, и ноги обычно были расставлены шире, чем сейчас, а колени были согнуты. Когда меня оставляли в таком положении, я не могла сдвинуть ноги и довести сама себя до оргазма. Но потом приходил Дикон, и к тому времени я была влажная от ожидания и готовая ко всему, что он мог со мной сделать.

В больнице мои колени и щиколотки были привязаны с другой целью: чтобы я не навредила сама себе. Но я снова была чертовски влажной. Попыталась свести ноги вместе, но у меня не вышло. Некому было прийти отшлёпать меня или трахнуть. Здесь не было даже друзей Дикона. Или хотя бы Дебби. На мне всё ещё была одежда, поэтому моя похоть могла сожрать изнутри. Меня привязали потому, что я потеряла контроль над собой, услышав слова Эллиота. Я ударила Дикона ножом в грудь.

Блядь.

Даже если я злилась на себя из-за того, что не помнила ничего, всё равно чувствовала, как во мне закипает возбуждение.

«Твоя киска пульсирует от желания, котёнок».

«Пульсирует» не означало, что я была возбуждена. Всё не так просто. «Пульсирует» означало то, что мне нужен был секс. Секс! Горячий и грязный. Мастурбация не помогла бы унять эту пульсацию. Даже если бы я могла потереться своей киской о подушку, вставить в себя вибратор любого типа или шарики — ничто не смогло бы успокоить мою жажду. Мне могло помочь лишь проникновение тёплого члена настоящего мужчины, и мне было всё равно, куда бы он меня трахал. Пока этого не случится, я не смогу функционировать нормально.

Секс никогда не был проблемой. Я всегда получала то, что хотела, без упрасиваний. Всегда находила желающих, когда мне было это нужно. Где угодно и когда угодно. Я принимала три вида противозачаточных таблеток. На всякий случай. Каждую неделю делала

анализ крови. Я была целиком поглощена этим. Кроме того, когда начинала чувствовать пульсацию, моей первой мыслью было избавиться от неё, и я слепо преследовала эту цель. Для Дикона это стало вызовом. Он хотел знать, когда мне понадобится это, хотел предвидеть его и создать мне такие условия, чтобы он мог отсрочить момент проникновения так долго, как мог. Он создал уникальную пытку: быть подвешенной на верёвках с узлами, голой, с киской напоказ, готовой по любому его требованию или движению верёвки.

«Мне нужно закончить, котёнок. Как мы сможем встречать людей на вечеринке, если у нас ничего не готово?»

Он был готов причинить боль, лишь бы не дать мне удовлетворение. Под его шлепками кожа на моей попке приобретала глубокий розовый оттенок, а моя маленькая грудь начинала болеть, подталкивая меня к грани. Он часами удерживал меня в подвешенном состоянии, пока слёзы из моих глаз не начинали капать на пол.

Я убила Дикона? Своего Мастера? Почему? Как? Боже, что я наделала?

Дыры в моём сознании затягивались, наполнившись яркими мыслями о сексе. Он был нужен мне. Было необходимо почувствовать облегчение. Мне нужно было, чтобы удовольствие очистило мой разум хотя бы на пару секунд, чтобы уняло боль, полыхающую во мне, словно огонь во время пожара. Я могла удовлетворить себя сама. Мне нужно было почувствовать себя хорошо. Просто необходимо.

— Эй!!! — закричала я. — Мне нужно в ванную!

Берни — огромный темнокожий парень с добрым лицом — вошёл в дверь спустя несколько секунд.

— Мисс Дрейзен.

Он пах мужчиной, но, хоть и выглядел не самым лучшим образом, я чётко понимала, что под голубой хлопковой тканью его штанов был член, который мне так нужен.

— Берни.

— Да, мэм.

— Вы что-нибудь знаете о моём случае?

— Нет, мэм.

Он развязал меня. Касание его пальцев к моим запястьям тут же отозвалось у меня между ног. Я пыталась поймать его взгляд на мне, но он не обращал на это внимание. Я заметила, что он пытался не прикасаться ко мне. Словно знал.

— Спасибо, — мягко произнесла я, несмотря ни на что. Словно приглашала его.

Берни отвёл меня в ванную, не сказав больше ни единого слова. Он по-прежнему не касался меня. Когда дверь за мной захлопнулась, я сняла свою смирительную рубашку и закинула ногу на раковину. Прикосновение холодной керамики к моей киске послало дрожь по всему моему телу. Я ухватилась левой рукой за кран, а правой упёрлась в стену перед собой.

— Позвольте мне кончить, сэр, — прошептала я так тихо, что меня никто бы не услышал. Я вспомнила, как Дикон впервые меня связал.

* * *

Мне было двадцать два года. Я вспомнила горький привкус кокаина, но моим самым свежим воспоминанием было то, как я стояла на коленях на деревянном полу его лофта, а

изо всех окон лился свет. Из одежды на мне были лишь трусики. Дикон говорил, что, когда он связывает меня вот так, я принадлежу ему. Мы не трахались, хотя наши отношения стремительно сводились к сексу. Он стоил того, чтобы я подождала. У него были изучающие глаза и всезнающая улыбка. Ради него хотелось подчиняться правилам. Когда я заботилась о себе ради него, это казалось правильным.

После возвращения из Африки Дикон занимался яхтингом. И когда он был в море, то вязал верёвки не только на мачте, но и на женщинах. Погрузился в то, что на западе называется шибари. В древнем понимании это искусство связывания пленных с целью увеличить их боль и унижение. В современном понимании это искусство связывания узлов. Он вытягивал верёвку так, чтобы узлы на ней создавали узор. Он прижимал узлы к конкретным участкам тела с целью получить контроль и доступ к телу партнёра. Чёрно-белые фотографии этого искусства — эротичные и совершенные, и я знала, что захотела стать частью этого искусства сразу же, как только он показал их мне.

Он завёл мои руки за спину и начал. Грубо обращается с моим телом, передвинув его так, как ему удобно. Сегодня он не будет подвешивать меня. Я буду связана просто на полу. Я ещё не готова к подвешиванию. У меня было слишком мало практики. Сегодня он не станет продевать верёвку через кольцо в моём соске, пока не убедится, что я подчинилась. Дикон собирается сделать всё просто: научит меня, как держать руки, и проверит, как я буду реагировать и буду ли воспринимать указания. Убедится, что я останусь в безопасности.

Он прикасался ко мне больше, чем когда-либо, и хоть я обещала многим мужчинам, что стану их куклой для секса, но чувствовала, что в его руках на самом деле превратилась в куклу. Руки скручены за спиной, локти связаны вместе, запястья сомкнуты, но верёвки защищали их от давления. Я должна была сказать ему, если что-то начнёт болеть или я почувствую, что что-либо не так. Но пока всё шло очень гладко.

Он вплёл верёвку в мой хвост из волос, привязав мою голову к её продолжению на щиколотках. Это был последний штрих. Я больше не могла двигаться. Лодыжки на полу, спина выгнута, и я не могла смотреть никуда, кроме как на крюки на потолке, потому что волосы стягивала верёвка.

Я никогда прежде не была настолько возбуждённой. От кончиков пальцев на ногах до самого слабого удара моего сердца. Понимание того, что я не смогу двигаться, пробудило во мне желание. Я чувствовала, как он возвышался надо мной. Дикон выключил свет.

— Ты в порядке? — услышала я от него.

Я приоткрыла глаза. Он сидел на корточках, и я видела его голые ноги. На нём не было рубашки. Передо мной находился невероятной красоты человек. *Дикон*. Я не могла связать слова в предложение, но моя улыбка отвечала за меня. Он встал на колени и коснулся моих губ пальцами. Я приоткрыла рот, и он скользнул кончиками по моему языку.

— В следующий раз я вставлю тебе кляп в рот, — произнёс он. — Обтяну верёвки тканью.

Я увлажнила его палец своим языком. Обычно у меня всегда было грязное словечко в ответ, но его тон привёл меня в такой восторг, что я не смогла даже говорить.

— Ты сможешь лишь стонать, но я пойму тебя, котёнок. Ты и я, мы будем говорить без слов.

Необычайно нежно, едва коснувшись моей кожи, он провёл пальцами по внутренней стороне моего бедра. Я чувствовала, как на них высыхала моя слюна.

— Я собираюсь привязать тебя и трахать до потери пульса, — он отодвинул краешек

моих трусиков и скользнул пальцем вдоль моих складок. — Я никогда не встречал настолько влажной девушки. Ты действительно хочешь, чтобы тебя трахнули.

— Мне это нужно, — я прошептала всего лишь три слова, пока у меня был такой шанс.

Он увлажнил мои складки по всей киске, затем анус и клитор. То, с какой силой он надавливал, было идеально, утончённо, нежно. Он не пытался заставить меня кончить. Дикон пытался меня завести. Он так медленно вводил в мою киску два пальца, что я почувствовала, как моя душа отправилась напрямиком на небеса.

— Тебе нравятся мои пальцы?

Я сглотнула вместо ответа. Он вытащил их так же медленно, а потом коснулся вершины моего клитора, слегка потеряв её. Это произвело на меня гипнотический эффект.

— Посмотри на себя, — произнёс Дикон. Его лицо было так близко от моего, что я чувствовала его мятное дыхание. — Сейчас ты — моя раба, — мужчина скользнул пальцами назад к моей щели, потом к клитору, и мягко обвёл его. — Жажда удовольствия скоро выживет дискомфорт из твоего разума. Ты так отчаянно хочешь кончить. Это даже нельзя назвать удовольствием. Это ожидание освобождения. Ты знаешь, как долго я могу продолжать делать это? Понимаешь, что я могу сделать с твоим телом? Пока тебе нужно это освобождение, я смогу подвести тебя к твоей самой высшей грани. Что бы ты сделала для меня?

Он выводил круги вокруг моего ануса, а потом скользнул назад к киске, которая пульсировала, взорвавшись жаром от жажды его прикосновения.

— Покажи мне, каким котёнком ты можешь быть. Помяукай для меня.

И я сделала, как он просил, завивляя бёдрами так, чтобы получить больше давления на киску, пока его пальцы находились так близко к моим складкам. Но полный контроль принадлежит только ему и верёвкам.

— Не так... Не скромничай. Покажи мне настоящего котёнка!

— Боже, просто позволь мне...

Он сжал мой клитор, и я вскрикнула от боли, приблизившись к оргазму настолько, насколько это было возможно.

Он шлёпнул по внутренней стороне моего бедра.

— Тише, девочка. Чем больше ты требуешь, тем дольше я буду оттягивать момент, чтобы дать то, чего тебе так хочется.

По спине покатился пот, и я почувствовала, как мои соки потекли по складкам. Я не могла рассуждать. Я даже не хотела секса. Просто хотела кончить.

— Помяукай для меня, — произнёс он.

Котёнок. Как делает котёнок? Ему нужно настоящее мяуканье? Не просто «мяу», а настоящий звук. Я сделала так, как он приказал. Мяукала для него, в то время как его пальцы блуждали по моим складкам достаточно долго, чтобы довести меня до оргазма. Я снова замяукала. Это унижительно — издавать звуки животного, пока ты связана и выгнута, но так у меня было что-то, на чём можно было сконцентрироваться. Это не первый раз, когда я получала наслаждение от своего унижения.

— Умница. Такая хорошая девочка. Ты хочешь кончить?

— Да.

— Да, что?

— Да, пожалуйста. Пожалуйста! Боже, позволь мне кончить для тебя.

Свободной рукой он схватил меня за кончики волос и выгнул мою шею так, что я

чувствовала вибрацию верёвок на лодыжках.

— Не двигайся. Только мяукай.

Он скользнул пальцем в мой анус, и моё мяуканье превратилось в крик удовольствия. Когда он с силой прижал большой палец к моему клитору, я прекратила дышать. Он двигал пальцем, и я взорвалась. Мышцы моего ануса пульсировали вокруг его пальцев, киска сжималась, а удовольствие вырывалось из моего рта диким стоном, который больше не давал мне сосредоточиться на том, что я должна была продолжать мяукать для него.

Дикон наполовину вытащил из меня палец, а потом снова надавил. Я взорвалась вторым оргазмом, забившись в оковах верёвок. Он не прекращался, снова и снова пронзая моё тело, будто электрическим разрядом. Пальцы на руках сжались добела. Дикон снова сделал это, наклонившись и добавив ещё один палец в мой анус. Моя спина выгнулась с большей силой, а верёвки врезались в рёбра. Для меня больше не существовало времени. Под пальцами этого сумасшедшего ублюдка оргазмы накрывали меня один за другим.

Я открыла глаза и увидела, как он трахал меня своими пальцами. Его лицо было так сосредоточено, словно он сдерживал себя, пока я взорвалась ещё в одном оргазме.

Мне был нужен воздух. Мне нужно было начать соображать. От стольких оргазмов я почти чувствовала боль. Но я не могла пошевелиться. Я собиралась умереть, а потом воскреснуть, чтобы вновь разбиться на тысячи маленьких осколков.

— Хватит, — произнесла я. — Пожалуйста. Остановись.

— Ещё раз, котёнок, — зарычал он. И он не шутил, тут же воплотив свои слова в реальность.

* * *

Я скользила своей мокрой киской по краю раковины в Вестонвуде, попытавшись оседлать её. Всего четыре прикосновения — я кончила. Ноги напряжены, спина выгнута назад, рот приоткрыт. Зная меньше, чем те вспомнившиеся отрывки, я могу всего лишь моргнуть от удовольствия, которое только что получила.

Спустя три года с момента окончания юридической школы Марджи стало скучно. Я терпеть её не могла, но любила за то, что сейчас она сидела в комнате для посетителей в бледно-зелёном костюме и со своей короткой стрижкой боб ярко-красного цвета.

Я даже не успела опустить свой зад в кресло, а она уже произнесла:

— Он жив.

— Насколько всё плохо?

— Он слишком слаб, чтобы говорить. Ты вонзила нож для чистки лошадиных копыт между его рёбер.

— Нож для чистки копыт? Господи... — я не видела никакого смысла в этом, хотя и знала, что мой нож всегда был отлично заточен. Насколько зла я была на него, что позволила себе проткнуть его?

— Лезвие прошло в трёх миллиметрах от его сердца. Ты лишь оцарапала лёгкое. Внуки оценят оставшийся шрам.

— Это была я? Ты уверена?

— Ты позвонила копам и призналась, а когда они прибыли на место преступления, ещё и напала на них.

— Я не... Не может быть! — я была полностью сбита с толку. Зачем мне это нужно было? Я и ранее делала безумные вещи, но ударить Дикона ножом? Это было самое ненормальное дерьмо во всей моей мерзкой жизни! — Где это случилось? Мы не были на Манди Стрит. Не могли там быть.

— В конюшне. Потом ты попыталась перерезать себе горло. Ты правда этого не помнишь?

— По-твоему, я выдумываю?

— Всё, что я говорю, — правда, — она сохраняла строгое выражение лица, боясь обидеть меня.

— Ты не должна представлять меня в суде, если не хочешь, — сказала я. — Я знаю, что тебя от меня воротит.

— Неправда.

— Правда. Ты никогда меня не понимала.

— Это не одно и то же, — ответила Марджи. — Давай посмотрим правде в глаза. Ты сама себя не понимаешь. Разница между нами в том, что я тебя люблю.

Мне нечего было ответить. Я просто сжала челюсть и почувствовала себя упрямым ребёнком, которым всегда была для своей матери.

— Фиона, ты хочешь поговорить об этом? Мне прийти завтра? Или вообще не появляться? Папочка пытается отстранить меня от дела.

— Почему?

— Говорит, я недостаточно опытная. Но на самом деле я не знаю, — она потрясла головой. — Дело в том, что...

Я схватила её руку со стола.

— Моим адвокатом должна быть ты. Не оставляй меня.

— Скажи мне, что произошло. Знаю, ты многого не помнишь, но что между вами двумя было? Он изменил тебе? Ударил? Что побудило тебя вонзить нож?

Я потёрла глаза мягкими бугорками ладоней. Она не понимала нас. Никто бы не понял.

— Клятва Дрейзен, — произнесла я.

— Я — твой адвокат. Всё, что ты говоришь, и так остаётся в рамках конфиденциальности между клиентом и адвокатом.

Я подняла ладонь вверх:

— Ты даёшь клятву или нет?

— Хорошо, — она подняла свою ладонь вверх. — Я даю клятву.

Я расслабилась. Между мной, моими шестью сёстрами и одним братом клятва Дрейзен означала, что ничего, сказанное под ней, ни одно слово раскрываемой правды не может быть передано кому-либо другому.

— Это тяжело объяснить, — начала я.

— После первых десяти раз я легче это воспринимаю, — Марджи скрестила руки на груди. — Начни не с конюшни. Я предполагаю, ты употребляешь наркотики. А ещё думаю, что за последние три года ты занималась сексом больше, чем я за всю свою жизнь.

— У нас были свободные отношения.

— Ясно.

— «Свободные» значит... — я сглотнула. — Буквально несколько месяцев назад в число моих партнёров входили лишь те, кого мы знали. Это были люди с вечеринок, которые мы устраивали, — я решила опустить часть о связывании. Не была готова рассказать ей, что превращалась в предмет искусства для секса, потому что была не в силах держать под контролем своё сексуальное желание, пока находилась в этих свободных отношениях.

— И что изменилось?

В её вопросе было облегчение. Он не выражал осуждение, а был просто нормальным вопросом.

— Мы влюбились друг в друга, — слова лезвием прошли по моему горлу и вырвали моё сознание из-за пелены от медикаментов. По щекам покатались слезы.

— Нет, — произнесла Марджи. — Остановись.

Я пыталась сказать ей, что была не в силах, но не могла говорить и использовать свой рот для слов, а могла лишь судорожно втягивать в себя воздух. У меня едва ли получилось вдохнуть без хрипов. Как мне произнести целое предложение?

— Я не могла навредить ему.

— Блядь.

Марджи всегда чувствовала себя неловко, когда дело доходило до слез. Но она знала, что с ними делать. Подвинула свой стул поближе ко мне и села рядом, положив руку на моё плечо. Я прижалась к её груди. Она молча гладила меня по волосам.

— Он ушёл, и я не могла понять, что мне делать, — прохрипела я. — Мне было нелегко без секса. Он был мне нужен. Но Дикон понимал меня. Мы оба делали всё, чтобы помочь мне. Зачем мне было нападать на него?

— Он не говорит. Возможно, он вернулся к тебе, а ты ударила его, защищаясь? Возможно, он внезапно появился в конюшне?

— Я не помню. Клянусь, не помню. Что я вообще там делала? Я вечность не была в Брэнвине.

— У тебя отколот зуб. Ты помнишь, как это случилось? — спросила Марджи.

— Нет.

— Обследование показало, что у тебя повреждено сухожилие на запястье. Он схватил

тебя?

Я потрясла головой, словно это была копилка, из которой я вытряхивала монеты. Неправильное связывание иногда могло повредить запястье, но Дикон никогда — никогда — не допустил бы ошибку, и если бы я почувствовала хотя бы толику боли, то сказала бы ему, и он тут же прекратил.

— Марджи, я очень сильно сбита с толку. Словно мой мозг больше не работает. Мне нужно увидеться с ним. Нам нужно поговорить.

Я не знала, как мне удалось успокоиться, чтобы сказать внятное предложение, но у меня получилось. Шмыгнула носом и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Это наименьшая из твоих бед, — ответила сестра. — Сначала тебя должны отсюда выпустить. У твоего доктора есть семьдесят два часа, чтобы определить, представляешь ли ты опасность для себя и окружающих. Так что больше никаких атак на доктора через стол. Если ты выберешься отсюда, то тебя будут допрашивать или арестуют, в зависимости от того, что скажет окружной прокурор. Буду честна с тобой, Фиона. Окружной прокурор озвучит то решение, которое примет наш отец. Все прокуроры Лос-Анжелеса у него в кармане, но пресса любит богатых девочек и насилие. Если ты попытаешься сбежать, то нападение на Дикона будет выглядеть как покушение на убийство. И если хочешь знать, то дома проблемы.

— Что случилось?

— Девушка Джонатана пропала с вечеринки у Шейлы вчера ночью. Его машина тоже исчезла.

— У него была девушка?

Я сжала ладони в кулачки. Когда моему младшему брату исполнилось шестнадцать? Как давно наркотики и секс украли меня у него? Дерьмо, он что, уже мог водить машину?

— Рейчел. Подруга Терезы.

Тереза была ещё одной моей сестрой, а Рейчел её подругой. Они тусовались вместе. Я даже никогда не думала о ней.

Словно прочитав мои мысли, Марджи продолжила:

— Я тоже не знала, что они с Джоном были вместе. Поэтому я здесь, а не с Квентин.

— Я просто хочу поговорить с Диконом.

— Знаю. Но иногда то, что ты хочешь, не то, что тебе на самом деле нужно, — она взяла мою руку в свою. — После нашего разговора тебя ждёт собеседование с администратором больницы. Веди себя хорошо. Будь паинькой. Ладно?

— Хорошее поведение вытащит меня отсюда?

— Оно прибавит шансов.

— Тогда я сделаю это.

Администратор улыбнулась. Женщина казалась достаточно хитрой, но, по всей видимости, она была такой со всеми, а это превращало весь её дешёвый спектакль в фиаско. Прямые каштановые волосы с локонами, завивающимися на концах. Отросшие волоски бровей уже были заметны на переносице.

— Я доктор Френсис Реймон, но ты можешь называть меня просто Френсис.

По-видимому, в Вестонвуде все называли друг друга по имени.

— А ты можешь называть меня мисс Дрейзен.

Насколько я поняла, она не оценила мою шутку. Головная боль ослепила меня, и кто же мог знать, что происходило у меня за спиной. За дверью пациенты играли в шашки, а какой-то придурок качался в инвалидном кресле. Большинство окон были укреплены решётками с целью предотвращения побега. Легкие пластиковые стулья отлично подходили для того, чтобы ими можно было бросаться и при этом никого не ранить. По телевизору постоянно крутили красивые пейзажи, картинки цветов, бабочек. Именно так богатые детки исчезают в Вестонвуде. Ни телевизора. Ни интернета. Ни телефона.

— Хорошо, мисс...

— Я пошутила. Можно просто Фиона.

— Ты в порядке, Фиона?

Была ли я в порядке? Что это вообще за вопрос?

— У меня болит голова, и я немного раздражена, если тебя это не смущает.

— Лекарства прекращают своё действие, — у неё что, была самодовольная ухмылка? Или это её повседневная милая улыбка? — Мне нужно, чтобы ты послушала меня и запомнила то, что я скажу, а для этого необходима твоя ясная голова. Хорошо? — спросила она.

— Ладно.

— Ты здесь для того, чтобы мы могли решить, готова ли ты к допросу по делу о покушении на убийство, а также была ли ты в себе, когда совершала нападение.

Хоть я и контролировала свой немой крик и плач, Френсис протянула мне салфетку. Я вытерла глаза.

— Возможно, — сказала я.

— Возможно. У тебя есть адвокат, с которым ты можешь обсудить все вопросы в дальнейшем.

— Знаю.

Она положила передо мной листок бумаги. Там был напечатан список с небольшими квадратиками слева от каждого пункта, и она поставила галочку в каждом из них, пока мы разговаривали.

— Мы не разрешили тебе использовать телефон или факс, за исключением разговоров с адвокатом. Даже семейные звонки будут проходить через нас. Здесь есть некоторые правила, и они придуманы специально для тебя. Комфорт каждого пациента здесь очень важен. Тебе выдадут всё что нужно: от медикаментов до еды. Тебе также нельзя употреблять что-то своё. Это ради того, чтобы препараты не взаимодействовали. Ты понимаешь?

— Да.

Ещё в одном из квадратиков появилась галочка. Я сжала ноги вместе и зажала ладони

между колен. Во мне пульсировало напряжение. Я хотела оказаться в общей комнате, болтать и играть в нарды.

— Два раза в день у тебя будут сеансы с доктором Чепмэном. Он согласился взять это дело, даже несмотря на твоё нападение на него сегодня утром, — я кивнула. Мне не понравилось то, что я сделала. Ни нападение на Дикона, ни на доктора Чепмэна. Это была не я. — Второй раз мы этого так не оставим. Нам бы не хотелось использовать изолятор, но придётся, если нам покажется, что ты представляешь опасность для себя и других. Ты обязательно должна пройти курс лечения, но мы можем отправить тебя в государственную лечебницу.

Я впервые посмотрела в её глаза. Цвет был непонятен. Что-то между светло-коричневым, синим и зелёным. Она ответила мне тем же взглядом.

— Это то, что вы сказали моему отцу? — я подумывала сказать ей, что отправилась бы туда, куда сказал бы мой отец, но, если он решил, что мне нужно остаться в Вестонвуде, я так и сделаю. Слово папы — закон. Точка.

Она сменила тему:

— В твоей комнате есть выключатель. Свет погаснет после отбоя в десять часов. Большинство пациентов ложится спать раньше.

Галочка.

— Лекарства будут выдаваться по графику. Ты должна принимать сразу же.

Галочка.

— Мне нужен "Адвил"^[2] или что-то подобное, — на самом деле мне нужен был "Викодин"^[3], но я знала, что если попрошу его, то на мне поставят крест. Я хотела выбраться отсюда, а не сидеть на допросе в полиции.

— После того, как мы закончим, я дам тебе что-нибудь от головной боли, — она царапнула ручкой, ставя очередную галочку в своём списке. — Ты не должна нападать на пациентов или персонал.

Галочка.

— Дверь твоей палаты всегда должна оставаться открытой в течение дня, если только твой врач или сотрудники не просят закрыть её.

Галочка.

— Ты должна вовремя появляться на сеансах. Мы считаем пунктуальность признаком содействия в процессе твоего лечения здесь. Два опоздания означают, что ты не хочешь сотрудничать.

Галочка.

— Твоё шоу в ванной сегодня утром не должно повториться.

— Какое шоу?

— Ответу конкретно для тебя. Мастурбировать не позволено.

Я прыснула со смеху:

— Ты ёбнулась?

— В следующий раз, когда мы услышим тебя через дверь, то не останемся в стороне. Ты — в частном учреждении. Так как у нас есть сертификация, мы можем применить индивидуальные меры к каждому из пациентов в Вестонвуде. В твоём случае секс — категорически под запретом.

— Леди, я могу заставить себя кончить всего лишь дыша нужным образом! Стыдливость не моё второе имя. Вы не можете ограничить то, что я делаю в своём личном

пространстве, — могу кончить прямо перед вами. Так что это правило — неудачная шутка.

— Я уверяю тебя, это не шутка, — она отодвинула свой стул. — Для тебя разрабатывается диета. Марк отведёт тебя в столовую.

* * *

Марк был санитаром и одним из тех парней, у которых за пределами работы всегда были проблемы. На нём была та же бледно-голубая форма, что и на остальных санитарях, но его козлиная бородка была под стать его волосам, выбритым над ушами. Чёлка спадала на лоб, но я знала, что по выходным она торчит как у панка. Я старалась не пялиться на него, но ничего не могла с собой поделать. Он носил пирсинг без камня в носу. Марк посмотрел на меня, и я отвернулась.

Я стояла со своим подносом в центре столовой и пыталась решить, куда мне сесть, потому что все места выглядели одинаковыми. Комната была отделана в современном серо-белом стиле, как и все остальное. На окнах висели простые рождественские снежинки. Линолеум блестел, на поверхности мебели краска была затёрта до тёмных пятен. И хоть стулья и были скандинавскими, помещение всё равно выглядело и пахло как психиатрическое отделение.

Три человека обедали во дворике под навесом. За ними виднелась стена из дождя. Они смеялись и курили сигареты, словно были в "Уилшир Кантри Клуб"^[4], а не в Вестонвуде. Парни были примерно моего возраста, с гладкой кожей и стройными телами. Одна девушка, сидевшая среди них, увидела меня и помахала в моём направлении. Я остановилась в дверях.

— Фиона Дрейзен, — сказала она. — Слышала, что ты здесь.

Все трое посмотрели на меня. Я махнула в ответ. Их лица показались мне знакомыми. Заговорившая со мной девушка сидела с босыми ногами, свернувшись калачиком на стуле, и держала дымящуюся сигарету между пальцами, покоившимися на её коленях.

— Эй, — сильно сутулившийся парень с густыми вьющимися волосами протянул мне руку. — Приятно увидеть тебя снова.

Я не знала его. Я трахалась с ним? Помнила ли его? Я даже свои последние два дня вспомнить не могла.

— Привет, — кивнула я остальным.

Рубашка девушки приоткрылась, когда она села, и стал заметен изгиб её груди. Я вспомнила её. Это были выходные с её матерью. Мы провели два дня на солнце. Я с трудом вспомнила лица всех троих на той вечеринке. Карен. Карен Хиннли. Её мать была продюсером.

— Оджай^[5], — сказала я. — Чёрт, чувак. Это были ещё те выходные.

— Это было... — она закатила глаза, задумавшись, но не найдя слов.

— Шикарно, — закончила я за неё.

— Чёрт, — сказал парень с вьющимися волосами, — нам стоит повторить.

— Да, — Карен кивнула парню со светлыми волосами, которому на вид едва ли исполнилось пятнадцать. — В этот раз ты тоже должен пойти.

Согласились все, кроме меня. Я не выдержу ни минуты больше. Не знаю, почему.

— Здесь приятно и тихо, — добавила я.

— Это ведь Рождество, — ответила Карен. — Всех отпускают домой на пару деньков.

Только я не хочу домой. Там будет настоящий шведский стол. Новый год позади, и вы не представляете, сколько говядины остаётся после Нового года.

Самый юный парнишка покачал головой. Парень с вьющимися волосами засмеялся. Уоррен. Это было его имя. Уоррен Чилтон, сын актёра.

— Я иду внутрь, — сказала я. — Позвоните мне, когда выберетесь отсюда.

Мы согласились в одном: общественность не должна была узнать о моём пребывании здесь. Такие люди, как мы, не сидели в лечебницах. Даже предположение подобного означало, что у моего адвоката были хреновые связи.

Мне не хотелось есть, поэтому я вернулась в общую комнату, где на экране телевизора с высоким разрешением яркими красками играла природа. Это даже можно было назвать убедительным. Я опустилась на серый кожаный диван и уставилась на маргаритки, которые развевались на ветру. Слишком мало сил для прогулки. Френсис дала мне целый коктейль из таблеток от головной боли, некоторые из них я даже узнала, но они притупляли не только боль, но и способность мыслить.

Я ударила Дикона ножом в грудь. Что заставило меня сделать подобное? Что он мог мне сделать? Ударить меня? Я засмеялась про себя, потому что он это мог сделать в любой день. Потёрла глаза так сильно, словно хотела разорвать свои веки и посмотреть, что я наделала.

Моё тело ощутило слабое тепло, когда кто-то сел рядом со мной. Я посмотрела направо. Коротко стриженные волосы и розоватые губы. Парень улыбнулся и лениво моргнул. Я бы трахнула его. У меня не было причин не делать этого. Есть лишь правило, запрещающее мне касаться кого-либо в этом заведении, и Дикон, который всё ещё был жив. Я уже и так достаточно предала его доверие.

— Маргаритка многолетняя, — произнёс он, кивая головой на фото природы на экране телевизора. — Её часто путают с цветком этого же семейства, но с большим количеством лепестков. *Арктотисом*. А ты Фиона Дрейзен, да?

— Да.

— Джек Кент. Подготовительная школа Карлтон. Я отставал от тебя на класс. А теперь ты стала знаменитостью. За что тебя здесь заперли?

Медсестра, подошедшая к нам, не дала мне шанса ответить, а Джек снова указал головой на экран.

— *Арктотис стохадифолия* — редкость в Южной Африке, а теперь считается сорняком в Южной Каролине, — произнёс он.

— Покушение на убийство, — ответила я, когда медсестра прошла мимо нас, — но я этого не помню.

— Машина?

— Нож.

— Ого. Уверен, он был не маленьким.

Я бы очень хотела вспомнить этого парня.

— Нет. Стой. Я помню тебя, — отозвалась я. — Ты — ботан.

— Думаю, да. Но член у меня всё-таки есть.

— А ты здесь за что?

— Неофициально: случилось недопонимание. Но если официально, то биполярное расстройство.

— Примеряешь на себя роль маньяка? — спросила я.

— Абсолютно чокнутого маньяка. Я провёл сто сорок семь опытов, в ходе которых мне удалось вывести новый способ разведения клещевины обыкновенной^[6]. А они не смогли сделать этого даже за сто семьдесят пять попыток.

— Зачем тебе это?

— Я просто мог это сделать. Ну а по поводу кайфа? Очнулся в одном белье и весь в собственной сперме, — я кивнула. Мне известно, каково ему было. — Ты здесь по собственной воле? — спросил он. Я покачала головой. На экране теперь показывали розовые цветы вместо жёлтых. — Они обернули всё против тебя?

— Да. Я пыталась напасть на копа. Сопротивлялась аресту. Пыталась перерезать себе горло. Бла-бла-бла. Я в дерьме.

— Кто твой врач? — спросил Джек.

— Чепмэн, — парень набрал полные щеки воздуха, а потом медленно выпустил его через щёлку между губ. На его лице было написано искренне сожаление. — Что?

— Пиздец.

— Уверен? Он кажется достаточно милым.

Джек заёрзал на кушетке и подвинулся ко мне, уставившись в мои глаза. Он согнул одну ногу на подушках, а второй опирался на пол.

— Это его работа — быть милым. Слушать. Ты хочешь выбраться или остаться здесь?

— Конечно же, выбраться. Кому вообще в здравом уме взбрѣдет в голову остаться здесь?

— Ты сама ответила на свой вопрос. Но если хочешь убраться отсюда, то попытайся сделать это за семьдесят два часа. У тебя будет шесть сеансов, и если тебе не удастся, то считай, что ты навсегда увязла в этом дерьме. Типа они оставят тебя здесь на тридцатидневный курс лечения и ограничат посещения, а потом будут постепенно сокращать твою связь с внешним миром. Это означает всё меньше и меньше шансов на то, чтобы выбраться отсюда. Разве что твои родители не вмешаются. В моём случае они не вмешаются, поэтому я могу остаться здесь так долго, как пожелаю.

Джек не смотрел на меня, когда произносил своё последнее предложение, словно под тяжестью позора на его плечах было сложно даже повернуть голову в мою сторону. Мне бы тоже было стыдно, если бы я помнила, что это такое.

— У меня получится убедить его в том, что я вменяема.

А это означало, что мне придётся предстать перед судом. Если он посчитает меня невменяемой, то я застряну в Вестонвуде с их правилами на прикосновения и обедами по расписанию. Если я предстану перед судом, увижу ли я Дикона снова? Или меня арестуют, как только я переступлю порог больницы, и всё равно не увижу его, как и не вижу сейчас, находясь здесь? Он один знал, что случилось на самом деле. Он один мог сказать, что я сделала и чего не делала.

Оставшись на диване и уставившись на плоский экран с цветами и решётку на окнах, которая отделяла меня от Дикона, я не могла себе этим помочь. Мне любимыми способами предстоит избегать вспышек раздражения. Больше никаких нападений на докторов или кого-нибудь ещё. На следующие два дня я превращаюсь в законопослушного гражданина.

— Как прошло твоё утро? — спросил доктор Чепмэн. Нет, он просил называть его по имени. У него были крошечные царапины над левым глазом. Но в целом он выглядел не так уж и плохо.

— Хорошо, — ответила я. — Мне жаль, что я на вас напала. Обычно я так себя не веду...

— Твой мозг подавляет множество эмоций и воспоминаний. Мы ещё долго не сможем добраться до них.

— Говоря о «не добраться»... — я прикусила губу. Эллиот сложил руки перед собой, его внимание было полностью сосредоточено на мне. Даже не знаю, кто, за исключением Дикона, смотрел на меня так же, как сейчас это делал Эллиот. — На законных ли основаниях вы сажаете пациента в изолятор?

— Я сказал Френсис, чтобы на час тебя привязали к кровати, и это ради того, чтобы ты не навредила себе. Не знал, как успокоительное на тебя повлияет. Откуда ты узнала про изолятор?

— Она упомянула его. Как угрозу. А я не поклонница угроз.

— Значит, мысль о нём тебя пугает? — спросил он.

— Я не сказала, что боюсь.

— Хорошо. Почему ты вспомнила об этом? Уверен, она рассказала тебе ряд правил. Почему ты спросила только об этом?

— Потому что это может быть незаконно.

— Разве?

— В соответствии с Международной Амнистией существует целый ряд учреждений, считающих это незаконным.

— Мы являемся частным учреждением, которое занимается обслуживанием конкретного сегмента общества. У нас есть некоторая свобода действий, — парировал он.

— То есть у вас есть достаточное количество денег для того, чтобы вам всё сошло с рук, что бы вы не сделали?

— Деньги есть как в нашем учреждении, так и в учреждениях Международной Амнистии. Но, если нужна гарантия, полагаю, так и есть, но я не собираюсь прописывать тебе пребывание в изоляторе, — он смотрел мне в глаза, словно читал меня и наблюдал как за зверьком: зверьком в клетке.

Я поёрзала на своём месте, будто хотела избавиться от его слов, но мне это не удалось. Он ещё пристальнее за мной наблюдал.

— Вы заставляете меня чувствовать себя неловко, — сказала я.

— Ты не должна чувствовать себя здесь неловко.

Сколько раз Дикон говорил это, пока, будучи связанной, я касалась коленями своего лица? Или тогда, когда я сидела, сторбившись над обеденным столом, а он поправлял меня?

— Я слышала, что вы — скотина, — выдала я.

— Пока будешь помогать нам с лечением, ты не можешь сказать обо мне ничего плохого. Если ты закроешься от меня или не будешь участвовать в полной мере, я сделаю соответствующую запись.

— Это по-скотски.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он улыбнулся, и его лицо изменилось. Так или иначе, эти два слова либо порадовали его, либо он их ожидал. Я не знала, как реагировать на его улыбку, поэтому опять поёрзала на стуле, подавив свою собственную усмешку.

— Встреться с миром за пределами своего мыльного пузыря, Фиона. То, что ты называешь «по-скотски», другие называют реальностью.

— Откуда вы, доктор?

— Эллиот.

— Эллиот. Из города Жёстких Любовников? Посёлка Плохишей? Или родились в миле от городка Недоделанных Придурков?

— Менло-Парк^[7].

— О, мило. Пунктик по части технологий? — спросила я.

— Мой отец на самом деле знает, как разобраться с микрочипом. Это увлекательно, но и в то же время до умопомрачения скучно. Я сбежал оттуда так быстро, как только мог.

— В Лос-Анджелес.

Представила его на поезде ночью. Побег из мира, где люди нашли практическое применение калькулятору. Он потерпел неудачу как писатель, актёр, музыкант и заявил о себе как о терапевте, нашедшем свой скрытый талант, но всё равно всегда тосковал по ночам, проводя свои вечера с единственной творческой задачей, которая наполнила его сердце.

— Пасадена, — сказал он.

— А что в Пасадене?

— Я ходил там в школу. Но давай вернёмся к тебе.

Он уклонился от разговора. Это было написано на его лице, когда он упомянул город, в котором ходил в школу. Он собирался солгать мне? Докторам это разрешено? Я не знала, повредил ли разговор о нём на этом сеансе моим шансам выйти отсюда, но хотела, чтобы он понял, что я могла вести разговор, будучи в здравом уме и полноценно функционируя.

— Хорошо. Вернёмся ко мне, — ответила я. — Я бывала в Пасадене. Была помешана на катании на коньках, даже посетила шесть уроков в Калифорнийском институте искусств. Мы встречались там?

— Нет.

— Может, в Пеппердаине^[8]?

— Нет.

— Колледж «4.2»? — в притворном ужасе я назвала название секретной школы по выращиванию марихуаны, где можно было узнать, как легально заниматься разведением травки. Эллиот сделал глубокий вдох и ответил так, словно только что подал в отставку:

— Фуллер.

— Фуллер? Это семинария.

— Для тебя это проблема?

— Разве мой отец назначил вас лично? — Эллиот снова засмеялся, потеряв подлокотник своего стула.

— Нет. По крайней мере, я так не думаю. Но уверен, если твоя семья не придерживается христианства, то католицизм точно у вас в крови. Я понятия не имею, какой морали придерживаешься именно ты.

— Во мне и то, и другое, — я осознавала, что он знал, в какие дни католики отмечают

Рождество и Пасху.

— Почему?

— Очень приятно отмечать какой-то праздник два раза в год. Попрыгать через обручи^[9]. Ну, знаете, показаться тут и там. Так у вас есть сан? Или вы просто придерживаетесь обета безбрачия?

— Во-первых, я сторонник англиканской епископальной церкви, так что обет безбрачия ко мне не относится. Я не принял сан.

— Почему нет?

— Мы всё время будем говорить обо мне, не так ли? — спросил он.

— Если вы расскажете мне, почему не приняли сан, я поделюсь информацией об одной порочной вещи, которую сделала.

Я тут же почувствовала бремя своей ошибки.

Он слишком серьёзно воспринял мои слова.

— Я знаю, что это то, к чему ты привыкла, что тебя так оценивают, но здесь это не пройдёт.

— Извините, — ответила я. — Я сказала это, не подумав.

— Это не запрещено. Перед администрацией стоял вопрос, стоит ли или не стоит назначить твоим лечащим врачом мужчину, но из того, что мы смогли понять, это не имело значения.

— И таким образом в одном флаконе я получила врача, скотину и священника без сана, знающего, что я бисексуальна.

— По крайней мере, у твоего врача есть учёная степень магистра теологии и доктора психологии, а ещё он три года проработал помощником священника в больнице в Комптоне. После этого решил отправиться туда, где сможет принести как можно больше пользы, а не туда, где больше власти.

— Ммм. Комптон. Вы, наверное, насмотрелись на всякое дерьмо.

— Ещё какое дерьмо.

— Тогда почему вы стали лечить детей богатых родителей?

— Я могу приносить пользу и здесь, и там, — ответив, он и глазом не повёл. Ни капли. Это достойно уважения.

— Я тоже хочу, чтобы ваша работа принесла мне пользу, — сказала я, внезапно почувствовав себя менее уязвимой. — Я хочу домой.

— На Манди Стрит?

Вопрос с подвохом? Может быть. Дикон жил в этом частном секторе. Второй дом справа от дороги. В первом доме жили его ученики по искусству шибари. Дом слева был предназначен для вечеринок. Там рождалось искусство. Именно там я отдавалась любому, кому мой Хозяин позволял мне отдаваться, и в течение нескольких дней я могла утолять свою жажду.

— Полагаю, я останусь со своими родителями на несколько недель, а затем приму решение. Конечно, если прокурор не решит за меня.

— Ты попытаешься увидеться с Диконом?

— А что?

— Это может быть опасно.

— Опасно?

— Я не знаю, безопасно ли это для тебя.

Сколько уже длился этот сеанс? Потому что мне потребуется именно столько времени, чтобы описать, насколько, мать его, сильно он совал нос не в свои дела. Несмотря на необходимость получить секс за пределами Вестонвуда и желание казаться нормальной и стабильной, я ценой своей жизни не допущу, чтобы Эллиот Чепмэн неправильно истолковал действия моего любовника.

— Вас я боюсь больше, чем Дикона, — ответила я. — Боюсь даже больше, чем этого стула. Небо упадёт прежде, чем он причинит мне больше боли, чем я смогу выдержать. Он единственный человек — единственный человек в мире — с которым я чувствовала себя безопасно. Да, я не застрахована от какого-либо подкроватного монстра, землетрясения или случайного дерьма, которое то и дело происходит вокруг. У меня было место, куда я могла прийти. Мне было чем заняться. Были правила. Он держал всё под контролем, и единственный раз всё пошло коту под хвост, так как я послушалась его, потому что мне всего лишь хотелось слететь с катушек. И прежде чем вы спросили: он чертовски хорошо меня привязывал. Он засовывал мне кляп в рот и бил меня. Сто раз заставлял меня плакать, но он же вытирал мои слезы, и я благодарила его за то, что он ломал меня. Я! Его! Благодарила!

Я ожидала того, что моё выступление вызовет у него отвращение, и это даст ему причину осуждать меня, называть больной и вышедшей из-под контроля. Но вместо этого он ждал продолжения без единой эмоции на лице.

— Ты хочешь вспомнить, что случилось? — наконец спросил Эллиот.

— Да.

— Но ты, возможно, ещё не готова вспомнить.

— Я чувствую хаос в своей голове. В памяти на месте тёмных пятен должны быть воспоминания. Словно кто-то пришёл и стёр их. Не знаю, наркотики это или «Либриум»^[10], которым вы меня пичкали. Но не могу сложить всё воедино. Словно подо мной лошадь, и я сижу в седле, но вместо того, чтобы нестись по ипподрому, она брыкается подо мной и разбивает всё на своём пути... Это имеет хоть какой-то смысл?

Доктор откинулся на спинку стула, закинув щиколотку на колено и положив локти на подлокотники кресла. Он провёл по губам средним пальцем.

— Тебя когда-нибудь подвергали гипнозу?

— Это шутка?

— В лучшем случае ты сможешь вспомнить достаточно, чтобы освободить свою боль. В худшем случае ты воссоздашь ложное воспоминание, которое будет включать в себя единорога или Джима Моррисона с его шевелюрой.

Я рассмеялась. Ничего не смогла с этим поделать. Это было самой смешной вещью из того, над чем можно было рассмеяться.

— Мне нужно сесть на диван? — я указала на длинный, неудобный диван, стоявший позади меня.

— Да, — я не сдвинулась с места. — Давай, — сказал он, вставая. — Это будет весело.

— Вы собираетесь заставить меня кудахтать как курица?

— Это просто способ расслабиться. Не больше.

Я пересекла комнату в три шага и присела на диван.

Эллиот стоял за мной:

— Ляг на спину.

Я посмотрела на него снизу, изобразив улыбку на своём лице. Я могла бы трахнуть его. Могла бы подумать об этом раньше. Внезапно я уже была готова к сексу и чувствовала

чрезмерное покалывание кожи. Я ощущала его член, вкус, запах, представляла розовую плоть его головки, скользившую по шелковистой коже моего бедра, словно там ей и место. Это было так хорошо. А если кому-то и нужно было почувствовать себя хорошо, так это мне.

— Ложись, — сказал он снова голосом, настолько лишённым желания, что моя собственная потребность рухнула, — я подняла ноги и откинула голову назад. Эллиот сел рядом со мной на край дивана. — Хочу, чтобы ты вспомнила, когда в последний раз была на конюшне, хорошо? — он поднял ручку, а я заметила кутикулу у основания ногтей на его пальцах. У него не было обручального кольца. — А сейчас сосредоточься на кончике ручки, — он начал водить ручкой назад и вперёд, а я поддержала ритм его дыхания. Голос Эллиота, покрытый бархатной маской смирения, произнёс: — Я сосчитаю от пяти в обратном порядке.

Я чувствую давление на мою руку. Это Дикон. Он скользит своей рукой в мою ладонь. Этот жест наполнен подростковой простотой и способствует приливу эмоций, который я не могу сдержать. Бегу в пустой внутренний дворик. Свечи после вечеринки ещё не убрали, и их мерцающие огоньки по-прежнему пляшут, отдавая воздуху своё последнее тепло. Дикона не было неделю, он был в командировке, и теперь, после своего возвращения, он похож на запёртый сундук с эмоциями, крышку которого мне было страшно открывать.

— С тобой всё хорошо? — спрашивает он, закрывая за собой стеклянную дверь.

— Всё хорошо, это просто... — я не совсем могу выразить то, что думаю, только если не злюсь или не сержусь.

Он берёт меня за талию правой рукой. Этот мужчина такой высокий и красивый. Движения его тела напоминают мне леопарда на африканской равнине.

— Расскажи мне.

— Думаю, нам не стоит продолжать видеться.

Он ухмыляется. Дикон знает, что я несерьёзно. Понимает, что я первая поднимаю болезненные темы, но первая же от них потом и сбегаяю.

— Буду более чем счастлив надеть повязку на твои глаза, — он проводит губами по моей щеке. — Но мои глаза останутся открытыми. Хочу видеть, как ты будешь умолять меня.

— Я скучаю по тебе, когда ты отсутствуешь, — произношу я. — Не могу с этим мириться.

— Если бы мы жили десять лет назад, то меня бы не было по полгода.

Когда он говорит подобное, это напоминает мне о нашей разнице в возрасте. Десять лет назад мне было тринадцать лет, а ему почти тридцать. Я никогда не спрашивала его, что он находит в такой молодой девушке, как я, потому что это означало бы, что между нами есть нечто большее, чем просто не совсем обычный горячий секс.

— Дикон, мне очень жаль. Думаю, сейчас неподходящее время. Пока все не уйдут, — я отталкиваю его от себя и отворачиваюсь от полосы мерцающих огней, исчезающей в море мрака. — Мы можем поговорить позже, — я собираюсь с духом, чтобы увести его обратно к стеклянной двери.

Мне хочется сделать сотню сумасшедших вещей. Хочется схватить бутылку шампанского и выпить её залпом. Хочется встать на перила и рухнуть вниз, словно я играю в игру под названием «каньон». Хочется сесть в свою машину и врезаться в ворота. Но он делает меня лучше по сравнению с моими желаниями, именно поэтому он нужен мне. Дикон дёргает меня обратно.

— Мы поговорим сейчас.

— У тебя гости.

— Они мне не нужны. Я могу забрать тебя в студию прямо сейчас и связать как следует, — его лицо становится суровым. Дикон превращается в человека, который провёл годы, снимая ужасы центральной Африки, который просто фотографировал и уходил. Человека, удерживаемого в заложниках на корабле три месяца, пока кто-то не смог договориться о его освобождении. Человека, чьё истинное лицо скрывается под маской, но она похожа на истинное лицо. Я не могу его послушаться. — Говори.

Он не должен угрожать мне. Нет в мире ничего сильнее, чем эта его простая команда. Я не боюсь его. Он делает меня сильной. Заставляет меня решиться.

— Я не та девушка, которая будет спрашивать, какие у нас отношения, — начинаю я. — Потому что я не дура. То, что у нас есть, это именно то, чего я хочу. У меня есть ты, находящийся большую часть времени рядом. Но если я хочу трахаться с кем-либо ещё, то просто делаю это, не задавая никаких вопросов.

— До тех пор, пока остаёшься в форме и в безопасности, котёнок.

— Дело в том, что меня начинает грызть сомнения по этому поводу.

Он кивает и смотрит вниз на наши сплетённые руки.

— Понимаю.

— Это не сделка. Мы согласились. Всё понятно и работает. Но когда ты подобрал меня сегодня... — я сжимаю губы вместе и смотрю на сверкающую линию горизонта на чёрном фоне. — Я хотела окунуться в твои объятия. Хотела отдать тебе мое тело и душу. Послать к чёрту всех остальных. Умолять тебя согласиться. Но в то же время я хотела бежать в другую сторону и принять дозу. Позвонить Эрлу, Аманде. Трахать всё, что движется. Полететь в Китай в поисках настоящего опиума.

— Я могу достать тебе его.

— Можешь, но не достанешь.

— Никогда.

— Почему мы вообще зашли так далеко?

Он смеётся про себя, а затем снова опускает глаза на мою руку.

— Ты... — он смотрит на меня. В глазах появляется блеск от свечей с одной стороны и от заходящего солнца с другой. — Я не ревнивый человек. Потому что видел слишком много. А ты... Передо мной всегда стоит выбор: быть с тобой, но владеть тобой.

— Я знаю, и...

Он обрывает меня, кладя палец на мои губы.

— Ты сделала для меня кое-что. Я всё ещё дышал, но уже был в отчаянии. И тут ты появляешься перед моим автомобилем, — он качает головой. — Ты снова вдохнула в меня жизнь. Дала мне надежду на то, что не всё на этой грёбаной планете — дерьмо. Ты позволила мне пользоваться собой ради меня. Мне было необходимо это. Ты была нужна, а теперь всё изменилось. Нас можно было бы назвать сумасшедшими, если бы мы сделали вид, что всё так же, как это было два месяца назад.

Я знаю, о чём он просит. Хочу сесть, чтобы облегчить боль в моём сердце, которая расплзается по всему телу, но боюсь пошевелиться.

— Ты хочешь сделать это? — спрашиваю я.

— А ты?

Хочу ли я? По какой причине мне вообще доверять ему в том, что он будет мне предан? Что из этого, кроме него, будет для меня?

— Я не была верна никому ни разу в своей жизни. Не создана для этого.

Дикон смеётся.

— Ты создана для многих вещей, котёнок.

— Я хочу тебя, Дикон. Так сильно хочу тебя.

— Думаю, нам это и нужно.

— Я не подведу тебя, — говорю я, всецело веря его словам. Полагаю, что смогу сделать для него исключение.

— Знаю.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, его дыхание окутывает меня ароматом мяты и цветочного джина. Я таю под его губами. Моё лицо горит, и боль всего моего тела сосредотачивается лишь в груди. Это воспоминание разрывает меня на куски. Ёбаный мозг. Чёртов мозг не позволит мне поцеловать его.

Я уже на кровати в своей дурацкой квартире, бесконтрольно плачу, и мои простыни воняют засохшей спермой.

«Фиона. Я не буду тебя будить. Я досчитаю до трёх. На счёт три подумай о своём самом счастливом моменте».

Я впиваюсь ногтями в простыни до тех пор, пока они не начинают рваться.

«Один».

Он — Доминант, который не поддаётся разрушению. Но он — мужчина. Я хочу уничтожить эти простыни, кровать, комнату. В центре тумана моего самобичевания я чувствую, как желание растёт у меня между ног, сирена поёт свою завлекающую песню. Я закидываю ногу на спинку кровати и начинаю тереться киской об неё.

«Два».

Я кричу, но мой оргазм лишает меня воздуха.

«Три».

Я в маленьком самолёте, лежу на спине. Чарли трахает меня сзади, а лицо Аманды прямо передо мной. Её груди трутся о моё плечо, а светлые волосы на моём лице. Девушка улыбается. Она красивая. Я открываю рот, собираясь кончить. Чарли касается губами моей щеки, вколачиваясь в меня своим аппетитным членом. Веки Аманды опускаются, когда я кладу влажные пальцы на её клитор. Я под кайфом. Под каким-то сладким препаратом, позволяющим мне чувствовать связь между нами тремя, нашу отдачу и то, как с каждым толчком Чарли пространство между нами то сужается, то расширяется. Кусочки головоломки, в которых я вижу лишь члены, киски и задницы. Мы все подходим друг другу, словно одна гигантская Вселенная. Во веки веков, аминь.

* * *

Мне было больно дышать, как будто от нехватки воздуха мои лёгкие приклеились к грудной клетке. Эллиот приблизился ко мне, когда я вдохнула.

— Я никогда не видел, чтобы гипноз действовал на кого-то так интенсивно, — сказал он.

— Приятно познакомиться. Я — девушка с колоссальным опытом, — я схватила его за руку, потому что продолжала ощущать падение.

Эллиот положил вторую руку поверх моей.

— Ты всё ещё не вспомнила.

— Нет. Я устала.

Его серо-зелёные глаза смотрели так, будто снимали с меня все маски в поисках правды.

— Что ты чувствуешь?

— Усталость.

— Не отключайся.

— Устала и хочу... — я сделала глубокий вдох.

— Ты хочешь дозу.

— Да. Но я её получила. Это не проблема.

— Ты так в этом уверена? Разве ты не обещала себе этого раньше? Что прекратишь употреблять наркотики или заниматься сексом, чтобы уберечь себя от чувств?

— Не провоцируйте меня. Пожалуйста.

— Это моя работа — подтолкнуть тебя.

Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Вычеркнула его. Возможно, он что-то сказал. Я чувствовала его присутствие в комнате, его дыхание, его существование, его мужественность, но полностью закрыла себя от этого.

Я не спала в темноте.

Я вообще не спала. Точка.

Меня нельзя было назвать пугливой, ведь имея такие проблемы, бывшие у меня, пугливость не та роскошь, которую я могла себе позволить. Я даже не скрывала, что хотела уйти из дома и жить под мостом. Не притворялась, что дерьма вокруг меня не существовало. Не делала вид, что жила в каком-то особенном мире. Я всё поняла. У меня был телевизор, интернет. Но что мне было делать? Я должна была посвятить свою жизнь помощи бедным? Взять на себя все страдания этого мира?

Как правило, за несколько минут до сна пугливая девочка во мне начинала царапаться коготками, и если было темно и мне не на чем было сосредоточиться, то всё становилось ещё хуже. И я ненавидела это.

Твоя лучшая подруга умерла. Ты — в психушке. Попыталась убить единственного человека, который понимал тебя. Половина твоей жизни пролетела как в сером тумане. Какая нахер разница? Отъебитесь! На хрен всех! Они ничего не смогут мне сделать, ничего такого, чего я сама себе не смогла бы сделать ещё раньше них.

Придурки.

Ублюдки!!!

Твари, которые питались только желчью!

Я даже не знала, кого проклинала больше, но на хуй их всех.

Со мной всё было в порядке. И когда я выберусь, то буду купаться в ванне из денег и кокаина, чтобы доказать это.

Я скрестила ноги и провалилась в оргазм, который слишком быстро и жёстко накрыл меня. В итоге после всего этого я рыдала, потому что моя лучшая подруга была мертва, а я была в психушке. О, ещё я почти убила единственного человека, который меня понимал.

Кто-нибудь?! Пристрелите меня.

— Твои родители в комнате ожидания, — начал Эллиот, как только я вошла.

— Мне стоит увидеться с ними?

— После сеанса.

— Вы заставите моего отца ждать? — произнесла я, устроившись на диване. —

Храбрости вам не занимать.

Эллиот, казалось, был абсолютно не удивлён.

— Я хочу начать с чего-нибудь приятного, — сказал он, опустившись в кресло рядом со мной.

Я хотела повернуть голову и посмотреть на него. Я не видела его лица, не слышала спокойного хриповатого тембра его успокаивающего голоса, и это меня нервировало. Не верила себе спокойной и уравновешенной.

— Нам можно не проводить гипноз. Я могу наговорить всякой фигни.

— Ты не хочешь?

— А вы хотите?

— Ты должна решить, как это будет.

Я уже не могла доверять своей способности принимать решения. Это было моей проблемой с тех пор, как только я научилась ходить. Возможно, мне нужно было бы признаться в этом, но это натолкнуло меня на мысль о том, что тогда он тоже перестанет мне доверять.

— Можете мне сказать, почему вам нравится гипноз? — спросила я.

— У тебя тревожное расстройство. Мы его лечим, а гипноз поможет расслабиться без особых усилий с твоей стороны. Есть временной лимит, в течение которого ты можешь находиться под гипнозом. Думаю, нам стоит сделать всё возможное, чтобы сдвинуться с мёртвой точки.

— Мне нравится такой подход.

— Ладно. Можешь остановить меня в любой момент. Только скажи слово.

— Слово? Что-то типа «стоп-слово»? — мне стало интересно, заметил ли он мою улыбку.

— Конечно. Стоп-слово.

— Пинкертон.

— Пинкертон^[11]? Убийцы Старого Запада?

— Он разыскал четыреста пять человек.

Я даже не раздумывала, потому что из-за вялости от таблеток мне казалось, что я сейчас расплачусь.

— Ладно, — согласился он после того, как я громко всхлипнула. — Я сосчитаю от пяти в обратном порядке, а ты начни думать о чём-то приятном.

* * *

Я возбуждена.

Такое чувство, что между ног будто промчался товарный поезд до того, как перед

глазами появилась картинка. Нужда в сексе, болезненно пульсирующая между моих ног, требует освобождения. После — поглощение. Я должна получить его. И не волнует как. Мне нужны руки и ноги, обёрнутые вокруг меня. Необходимо почувствовать запах пота, киски и липкой спермы.

«Это последнее, что ты помнишь? Можешь сказать мне, что было минуту или две назад? Что произошло перед этим?»

Голос Эллиота в его чистом совершенстве не прерывает моё воспоминание, но осознание того, что я говорю об этом вслух, вызывает пробуждение. Отвечаю ему «нет». Я не собираюсь возвращаться назад, потому что чувствую запах возбуждённого члена и изящное жжение кокаина в ноздрях. На данный момент я понятия не имею, о чём говорю, что держу в себе, но мне плевать на это.

Я сижу на унитазе в уборной маленького клуба. Всё из мрамора и стекла. А чего вы ожидаете от туалета? Я чувствую ритм музыки. Комната оформлена в греческом стиле. Смотрю вверх. Эрл. С ним всё в порядке. Сто восемьдесят восемь сантиметров чистой безбашенности. Лёгкая наживка. Его член покрыт тонкой дорожкой кокаина.

— Я хочу больше, — говорю я.

— Жадная сука, — он улыбается, держа пакетик кокса над своей эрекцией. Насыпает дорожку на свой член, пока я удерживаю его ровно.

— Я этого стою, — возражаю, прежде чем помочь кокаину исчезнуть с его члена. О, именно так. За один раз. Чувство удовольствия заряжает каждую клеточку моего тела от коры головного мозга до кончиков пальцев. Я полностью контролирую всё, что вижу, а особенно этого ублюдка.

— Я отсосу тебе так сильно, чтобы ты кончил.

— Прикоснись к киске, детка, — рычит он. Но я этого не делаю. Никогда не трогаю себя, и этот тупица никак не может этого запомнить. Я набрасываюсь на его член прежде, чем он успеваает задать ещё хотя бы один вопрос.

— О, блядь, детка!

Музыка внезапно становится громче, дверь в уборную открывается, пиная Эрла в задницу.

— Простите, — произносит мужчина в тёмном костюме. Он собирается закрыть за собой дверь.

— Без проблем, — говорит Эрл.

Я смотрю на незваного гостя в этом грёбаном костюме. Он действительно не проблема. Мужчина больше, чем просто хорош. Выше, чем Эрл. Совершенен. Темные волосы и голубые глаза. Сильный как скала и уточнённый как принц. Я не должна дать ему уйти.

— Развяжи галстук и достань свой член, — произношу я. — Меня хватит на двоих.

Он ухмыляется:

— Прости. Я не готов делиться.

Дверь захлопывается, и музыка снова становится приглушённой.

— Облом, — произносит Эрл, упираясь своим членом в мои губы. — Это было хладнокровно.

У меня есть выбор: закончить минет Эрлу и дать ему отыметь меня, или не сделать ничего из выше перечисленного.

— Можешь сам у себя отсосать, — отвечаю я, вставая на ноги.

Он хватает меня за затылок.

— Не шути со мной!

Я смело смотрю ему в глаза.

— Это ты не шути со мной, Эрл! Я говорю, *как* и *когда*. Можешь подрочить или отсосать себе.

Я разворачиваюсь и ухожу до того, как он успевает возразить. Заправляю блузку и прохожу мимо парня, который моет руки.

Людей в клубе так много, как червей в гниющей яме. С танцпола доносится неприятный запах. Голоса звучат так, словно их заперли в банке и спрятали за бетонной стеной. Сердце начинает биться в такт музыке. Но мужчины в костюме нигде нет.

Расталкивая людей перед собой, я прикасаюсь к их голой потной коже. Аманда находит меня. Блондинистые волосы прилипли к её лбу, помада почти стёрлась. Её телохранитель Джоэл на два шага позади неё. Я знаю, что у него есть пистолет. Она целует меня в губы. Я отталкиваю её.

— Ты видела мужчину в костюме? Высокого? С такой стрижкой? — делаю движение руками, изображая его причёску по памяти.

— Горячий?

— Именно!

Она указывает на выход, подмигивая мне. Я возвращаю ей поцелуй в губы и продолжаю прокладывать себе путь через толпу. Аманда выкрикивает моё имя, но я отдаляюсь, притворяясь, что не слышу её. Мне нужно найти *его*.

Из-за кокаина я вижу перед собой то, что невозможно увидеть. Пробираюсь через танцующую толпу, отталкивая их локтями, рыча и проклиная всех, лишь бы ещё раз взглянуть на незнакомца. Что может быть лучше раздутого самомнения, заставляющего меня оттолкнуть в сторону худую девчонку-подростка, одетую по последнему писку моды и кричащую мне вслед:

— Фиона Дрейзен! Ты ведь Фиона Дрейзен!

Словно моё имя каждый день появляется в заголовках газет.

Конечно, они ждут меня на улице, толпясь на красной дорожке возле клуба. Папарацци плевать хотели на погоду, которая в Лос-Анжелесе либо дождливая, либо просто холодная. Вспышки света. Они выкрикивают моё имя, словно я должна знать их всех. Пускай фотографируют. Главное, я снова вижу его.

Он даёт швейцару чаевые и забирает у него ключи от своего чёрного «Рэндж Ровера».

Он чистокровный жеребец, и от него меня отделяют двадцать придурков с камерами. Это создаёт проблемы, но я должна заполучить его.

Разбрасываю их перед собой, показывая им всем средний палец. Я ношу по несколько колец на одном пальце и знаю, что из-за вспышек, которые отразятся от серебряных колец, их фото засветятся. Я буду выглядеть напыщенной богатой сучкой, а кокс во мне говорит, что похуй, что на это скажет мой папочка.

Обращаюсь к швейцару, тощему бывшему полицейскому с подстриженными усами. Он смотрит на мою грудь, а потом на моё лицо. Я знаю Ирвина. Он — бабник. Держит этих придурков подальше от нас и берёт деньги за то, что даёт им знать, когда мы с Амандой будем здесь.

— Ирв! Какого хера?

— Понял, — говорит он.

— Убирайтесь нахер с моего пути, ублюдки!! — я пробираюсь через толпу с помощью

Ирва.

Они расступаются перед ним так, как никогда не расступались передо мной. Знаю, они сожрут меня, выплюнут и будут фотографировать, как я ползу к больнице. Пробираюсь к «Рэндж Роверу» и стучу в окно с пассажирской стороны. Оно тонированное. Автомобиль не двигается, окна остаются закрытыми. Я хоть в то окно стучу?

— Фиона Дрейзен!

Они стоят за мной, и я оказываюсь на бордюре вне поля защиты Ирва. Если он подойдёт, чтобы помочь мне, то оставит пост у двери, а это добром не кончится. Снова стучу в окно. Вижу отражения камер в стекле.

Меня окружили со всех сторон.

— Эй, придурок, — кричу я.

Стекло медленно опускается вниз. Я чувствую себя как в фильме о падении. И вот он. Моё сердце выскакивает из груди.

— Привет, — говорю я, почти просовывая свою голову в окно. Чувствую репортёров за своей спиной. Слышу, как они снова и снова выкрикивают моё имя. — Ты кое-что забрал у меня в туалете.

— Уверена? — он старше, чем мне показалось, но это делает его ещё более привлекательным, если это вообще возможно. — И что же это?

«Фиона».

— Моё сердце.

Какая глупая фраза... Но я девушка. Справлюсь со всем.

«Я сосчитаю в обратном порядке от трёх. Когда скажу «один», ты откроешь глаза, чувствуя себя отдохнувшей и расслабленной».

— Оу. А я думал, пуговицы от твоей блузки.

Мужчина впервые смотрит на мою грудь, и я чувствую, как замёрзли мои сиськи. Блузка широко распахнута, и алмазы в пирсинге на моих сосках блестят в свете вспышек. Грёбаный Эрл со своими ёбаными щупальцами.

«Три».

— Не заставляй меня оборачиваться, — говорю я. — У них уже и так достаточно фото.

«Два».

Он секунду раздумывает об этом, глядя на моё лицо. Слабая усмешка играет на идеальной линии его губ, и я думаю, что просто могу умереть.

«Один».

Как только я переступила порог комнаты ожидания Вестонвуда, моя мама кинулась ко мне с объятьями, забыв о рамках приличия и пытаюсь защитить меня от всего мира. Меня поражало то, сколько силы было в её маленьком теле.

— Ма, всё в порядке, — я посмотрела поверх её плеча на папу, в его рыжих волосах уже кое-где появилась седина, лишавшая его отличительной черты Дрейзен...

Он спрятал руки в карманы и опирался спиной о стену. Я закатила глаза, посмотрев на папу, но он просто отвернулся и посмотрел в окно. Отец всегда так старался поддерживать меня, а мне это так и не удалось.

Всё в комнате было сделано так, чтобы не огорчать пациентов и их семьи. Круглый стол из бледно-голубого огнеупорного пластика, на котором стояли кувшин с водой и три пластиковых стакана. Белые пластиковые стулья с хромированными ножками. Решётки на окнах, за которыми открывался живописный вид на просторы каньона Топанга^[12], который сейчас был скрыт за стеной серого тумана. Украшения в честь Рождества выбивались из общей картины. Лучшее место в здании для тех, кто отстёгивал немалые суммы учреждению.

Мама прижала меня к себе, и я почувствовала, как между нами зашуршало что-то твёрдое. Она отстранилась и вручила мне завёрнутый подарок. На обёртке был изображён пляшущий снеговичок, украшенный золотой лентой.

— Купила его тебе на случай, если ты приедешь.

Я дёрнула за ленту и развернула бумагу, открыв рамку с фотографией.

— Снежок! — я полностью вытянула фото из обёртки. На снимке мне было пятнадцать. Одной ногой я была в стремях, и мой серебристый жеребец стоял передо мной. — Спасибо, мам!

— Линди говорила, что тебя уже долгое время не было на конюшне. По крайней мере, за исключением того дня.

Сколько же я не каталась на Снежке? Годы? Последний раз, когда была на конюшне, со мной было двое ребят, с которыми я обещала трахнуться на стог сена. Я была под таким кайфом, что Линди вышвырнула меня оттуда. Сказала мне, что я не достойна той работы, какую они вкладывали каждый день в уход за лошадьми. Я проклинала её тогда за то, что она была права.

— Мы выведем из тебя эту дрянь, — прошептала мама. Она посмотрела на меня, сжав мои плечи. — Десять лет назад мы могли бы просто забыть об этом... Но в эру Интернета... — она потрясла головой, замолчав. — Ты хорошая девочка. Мы с твоим отцом знаем, что ты этого не делала.

Папа даже не посмотрел на меня.

— Спасибо, мам. Я в порядке.

— Мы подключим к этому делу всех. Этот мужчина... Дикон Брюс? Мы найдём что-нибудь и выдвинем против него обвинения.

— Эйлин, — произнёс отец, — этого не сделать по щелчку пальцев.

Она повернулась к нему, бросив на него смертоносный взгляд. Соппротивление, существующее между моими родителями, можно было назвать эпическим. Однажды кто-нибудь из них превратится в кучку испепелённых костей и сгоревшей кожи из-за этих схваток.

— А как тогда? — прорычала мама.

— Квентин уже занимается другим...

— Он может заняться и этим.

— Нет.

Соревнование взглядов продолжилось. Я не знала, что они сделают быстрее: набросятся друг на друга с поцелуями или с кулаками.

— Мам, пап? — вмешалась я, но не смогла разорвать их очного сражения. — Я выберусь отсюда через пару дней. Мы можем...

Не оторвав взгляда от мамы, отец ответил.

— Я бы не ставил на то, что ты выберешься отсюда.

— Но...

— Она выберется, Деклан, — ответила мама. — Я позвоню Франко. Если всё пойдёт не так, как надо, то посмотри в зеркало, чтобы знать, кого за это винить!

— Не позвонишь. Ей не нужна та помощь, которую ты предлагаешь.

Я не знала, о чём они говорили, но понимала, что если мама собралась позвонить Франко, кем бы он ни был, то она ему позвонит. Моя роль в этом разговоре подошла к концу.

— Спасибо вам за приятный визит. Счастливого, блядь, Рождества.

Я развернулась в своей мягкой обуви и зашагала прочь. Прошла уже половину пути до фойе, когда отец догнал меня.

— Спасибо за защиту, — выплюнула я. — Если это можно так назвать.

— Подожди.

Он встал передо мной, преградив мне путь.

Его личный телохранитель обратил на нас внимание. Отец посмотрел на мужика, который по весу явно мог сравниться с девяностокилограммовым холодильником и который не расставался с пистолетом. Папа взглядом заставил его отступить назад.

А потом его холодные синие глаза впились в меня:

— Это приносит тебе удовольствие? То, что ты делаешь?

— Я здесь не для того, чтобы тебя позорить.

— Но последствия одни и те же. Хотя тебя это никогда не заботило.

— Просто скажи мне, чего ты хочешь.

Он поднял ладонь вверх, оборвав меня на полуслове:

— Твоя жизнь вышла из-под контроля. Ты разбила больше машин, чем я мог купить.

Позорно использовала своё тело. Я могу лишь представить, что за дрянь бежит по твоим венам. И ты ни разу не столкнулась ни с одним последствием. Ты как зараза, инфицирующая всё, к чему прикасается.

Я скрестила руки на груди. Не знала, обратить ли это в шутку или нет.

— Ты говоришь, что я плохая.

— Ты — распутная, и тебе плевать на это.

— А тебе разве нет? — ответила я, напрягшись и почувствовав, как задрожали мои конечности.

Никогда не стоило бросать вызов папочке. Просто не стоило. Я не встречалась с последствиями во внешнем мире, но явно сталкивалась с ними в его вымышленном королевстве. И уже там, как ему казалось, я получала за всё сполна.

— Нет. Мы семья, Фиона. Нас десять человек, и всё это имеет значение. Важно, как нас

воспринимают. То, как и что мы делаем, имеет значение. И если ты уже не можешь себя контролировать, то это сделаю я, — близко... Это было так близко к тому, что говорил мне Дикон. От этих слов моё тело сжалось. — Выйдешь ты отсюда или нет, может зависеть от меня.

— Мне уже не пять лет, — прошептала я, но уже знала, что этим только усугубила своё положение.

— В этом ты права. Об этом и подумай. Твой поезд ушёл, и вместо станции «бешеного детства» тебе придётся сойти на станции «взрослой жизни». Твоё место займёт новое поколение.

Может быть, действие моего лекарства закончилось. Возможно, я ещё не отошла от того, что недавно вспомнила свою первую встречу с Диконом, но что-то в том, как он назвал меня старой, костлявыми пальцами страха вынуло из меня душу. У него был такой взгляд, словно он наступил в ещё тёплое дерьмо на тротуаре. Я уважала своего отца, его мнение и убеждения, даже если не следовала им. Постоянно возражала ему, а он вносил за меня залогов, потому что чувствовал моё уважение. Что произойдёт, если это уважение исчезнет? Он прекратит оберегать меня?

— Ну а ты? — выкрикнула я, хотя он и глазом не моргнул. — Что ты сделал? Ты сам опозорил эту семью, а маму особенно!

— Я женился на ней. Но никто не женится *на тебе*, — он впился в меня взглядом, даже не моргнув ни разу.

Единственная причина, по которой я его не ударила, заключалась в том, что он говорил правду.

Вместо этого я направилась в фойе. Словно кот он последовал за мной так быстро и тихо, что я в шоке распахнула глаза, когда он дёрнул меня за воротник. Его охранник не сделал абсолютно ни хрена, когда отец рукой сжал мою челюсть.

Он прошептал над моим ухом:

— Когда ты перестанешь притворяться королевой драмы, Фиона? Я устал от этого. И мне не нравится беспорядок.

Была лишь единственная фраза, которую я могла произнести:

— Да, пап.

— Мы поняли друг друга?

— Да.

— Ты возьмёшь свою жизнь под контроль?

— Да.

— Хорошо, потому что если нет, то это сделаю я. И тебе это не понравится.

* * *

Я не могла находиться ни в общей комнате, ни во дворике, ни в саду. Не могла слышать разговоры. Мои родители сбили меня с толку. Я ушла после разговора с ними с вопросом о том, что, мать твою, только что произошло? После этого я приняла свои таблетки согласно расписанию и легла на кровать.

«Тебя контролирует твоя киска. А тот, кто контролирует твою киску, контролирует и тебя».

Потолок моей серо-белой комнаты затягивался унылой тенью, которая ползла к открытому окну. Меня касался слабый ветерок, но это всё равно не успокаивало, и я хлопнула ладонями по подоконнику.

«Я сама контролирую свою киску».

Дикон в костюме, и он улыбался мне, смотря на моё лицо, когда я была голой и привязанной к крюкам на стене. Он не поверил мне. И был прав. В борьбе за жизнь моя киска всегда побеждала.

«Я буду контролировать её, котёнок. И ты скажешь «пожалуйста», — он коснулся хлыстом моих губ, и я сомкнула их на его кожаном кончике. — Всего лишь три дня. Ты смиришься с этим, или это то, что ты получишь».

Мой взгляд блуждал по его прекрасному лицу, но это было запрещено. Я должна была смотреть исключительно в пол в знак моего подчинения. Он замахнулся хлыстом и ударил меня им по лицу. Боль отдалась глубоко во мне, увлажняя мои складки.

«Это для того, чтобы я смог удерживать тебя в доме».

В его словах не было жестокости или какой-либо подобной эмоции. Второй удар пришёлся по моей груди.

«Это за то, что посмела посмотреть мне в глаза».

Удары так и сыпались на мой живот, бёдра и тазовые кости, а после неожиданный шлепок кожаной плети опустился на мой клитор. Я заскрежетала зубами. Мне нельзя было кричать.

«Мне нужно всего лишь три дня контроля».

Я вспомнила раны, которые он оставлял после себя. Вспомнила то, как они жгли, пока он отвязывал меня и клал на кровать, развернув лицом вниз, чтобы раны смогли тереться о матрас, когда Дикон будет трахать меня. Вспомнила, как меня сокрушил оргазм, а раны кровоточили следующие три дня, послужив напоминанием о том, как сильно я кончила тогда и как без него не могла совладать со своей киской.

«Ты сможешь касаться себя, когда захочешь, но это всё».

Его ухмылка была похожа на ухмылку Сатаны. Я не видела в этом ничего смешного. Я была так возбуждена. Я не касалась себя ради того, чтобы получить удовольствие даже тогда, когда он мучил меня, давая мне один-единственный выход.

Я лежала на кровати в Вестонвуде, думая о нём, и эти мысли создавали такое чувство, словно на мой клитор положили кусочек раскалённого мрамора. Я скрестила ноги под одеялом и слушала звуки дождя, барабнящего каплями по листве деревьев. Снова и снова прокручивала воспоминание. Боль в моём теле, капельки пота, которые скатывались в раны, когда я танцевала в клубе «Дэбни» хрен знает с кем. Руки Эрла впивались в них, когда он трахал меня сзади. Я сосала киску его подруги Тэмми, и привкус кокаина обжигал мой язык. Знаю, Дикон накажет меня, когда я вернусь.

Мастер вернулся домой через три дня, а жёсткость его ударов не имела равных, но я наслаждалась каждым из них. Он тянул и выкручивал кольца пирсинга в моих сосках до тех пор, пока я не кончила, а потом заставлял меня кончать снова и снова. Это стало началом игры. И наши сердца до сих пор продолжают в неё играть.

До. Сих. Пор.

Я сжала бёдра, слегка вильнув ими. Пройдёт вечность, прежде чем я кончу, но мне было некуда спешить. Я открыла рот, почувствовав, как горели мои бёдра, как пульсация отдавалась между моих ног. Сначала меня окутало облегчение... Радость... И лишь потом

освобождение.

Ланч.

Такое чувство, что меня пытались раскормить как поросёнка перед забоем для Пасхального празднования. Сегодня день азиатской кухни. Суп с клёцками, жареный рис, бифштекс по-корейски и ещё какая-то зелёная хрень с листочками, название которой я не смогла вспомнить.

— Этот соевый соус почти не содержит натрия, — сказала Карен со своего места напротив меня. Она была поглощена журналом, пока её суп остывал. — Кажется, они поняли, что тебе дают столько таблеток, что этот натрий скоро начнёт влиять на давление.

Она полила свой рис соевым соусом. Её волосы были скручены в нелепый пучок, а на длинной шее виднелось бордово-синее пятно.

— Не хочешь прикрыть засос? — я вытянула шею, попытавшись рассмотреть пятно поближе.

На её лице появился шок, и она попыталась посмотреть на свою шею, как будто это было возможно.

— Прямо возле тебя лежит зеркало, — предложила я.

— Нет. Всё в порядке, — она скрыла засос под волосами, распустив их.

Увидев, как её волосы обрамляли лицо и как Карен задрала руки вверх, я поняла, насколько худой она была. Карен ковыряла вилкой свою еду и посматривала на Марка, санитаря с кольцом в носу, который походил на панка. Я заметила его татуировку, тянущуюся от затылка вниз под его рубашку. Он посмотрел на неё и сделал движение пальцами, показав, что ему нужно идти. Карен махнула вилкой. По тому, как она её держала, я поняла, что девушка не съела ни крошки. Это было видно из-за того, как она ковырялась в еде.

— Мне жаль, что я не попала на похороны Аманды, — произнесла она. — Многие пошли. Сестра была там, и Таня. Она тоже решила пойти. Говорила, что в этот день шёл дождь. Как в кино, — Карен закатила глаза.

— Всё в порядке. Ничего сверхъестественного не случилось. Знаешь, её гроб ведь был закрыт из-за происшествия. Она не встала как зомби, — я подняла руки вверх, спародировав походку зомби, потому что это было лучше, чем тот факт, что мне на самом деле было наплевать. Ведь так?

— Я слышала о поминках после похорон, — сказала Карен.

— Да, — я откашлялась. — Вау. Прошло уже немало дней. Это было лучшее, что мы могли дать ей, — мне было не по себе, когда я клала в рот свою еду, особенно, когда передо мной сидела девушка с ярко выраженной анорексией, но мне очень хотелось есть.

— Лимузины выстроились в ряд на холме перед кладбищем. Чёрт, там было столько кокаина.

Я перестала жевать и оттолкнула свой поднос. Кокаин был проблемой. В тот момент Дикона не волновало то, что у меня было несколько партнёров. Он переживал о том, что не знал их. Переживал, что они были наркоманами с Манди Стрит, где мы хотели иметь своё тихое и безупречное место. Нервничал из-за того, что они были под его крышей. Он не стал бы меня связывать, пока не вывел бы всю дрянь из моего организма, да и ещё некоторое время после этого тоже не прикоснулся бы ко мне. Та неделя превратилась в пытку. Смерть

Аманды тяжёлым бременем упала на мои плечи, но Дикон пытался привить мне способность адаптироваться.

— Я неделю провела в углу, пуская слюни, — ответила я на её шутку.

Но на самом деле всё было не так. Я чувствовала, что опускалась на самое дно, когда Дикон подобрал меня и повесил на верёвках к крюкам на потолке. Всё изменилось после того, как Аманда умерла. Словно мы нуждались друг в друге, он и я. Ему было больно видеть меня такой неспособной позаботиться о себе. Не так много времени прошло с момента её смерти до того, как мы снова решили завладеть друг другом.

— Эй, — вмешался Уоррен, усевшись напротив меня. — Дождь только что прекратился. Вода в заливе поднялась прямо до лавочек.

— В каком заливе?

Уоррен и Карен переглянулись.

Она оттолкнула от себя поднос и стрельнула глазами в сторону Марка, прежде чем встала с места.

— Давай проведём ей тур. Наш тур.

Уоррен осмотрел меня с ног до головы, как будто моя светло-голубая больничная рубашка просвечивалась.

— А я могу тебе доверять?

— Можешь засунуть его себе в задницу.

— Ты захочешь увидеть кое-что, — вмешалась Карен. — Это того стоит. Почти так же, как и свобода.

— Мне не нужно доказывать то, что мне можно доверять. Я вылизывала твою киску в Оджай, а ты, — я повернулась к Уоррену, — нюхал кокаин с моих сисек. Я заплатила за него, но в ответ не получила ничего, кроме обомлевших сосков.

— Засчитано, — ответил Уоррен, указав на дверь.

Снаружи всё было обустроено, ухожено и засажено дорогими цветам. Зелёный сад был усеян деревянными скамейками — место, где можно точно понять, что ты психически больной, дать твоему сожалению сожрать тебя изнутри и обдумать свои недостатки. Джек присел над клумбой полевых цветов, потеряв жёлтые лепестки.

— Привет, Джек, — сказал Уоррен, хлопнув непригодного к сексу ботана так сильно, что тот плюхнулся на задницу.

— Блядь!

— Не круто, Уоррен, — вмешалась я и помогла Джеку встать.

— Я в порядке, — ответил Джек, стрельнув глазами в Уоррена.

Я вытерла плечо Джека, даже несмотря на то, что там ничего и не было.

— Прости, чувак, — Уоррен сжал ладонь в кулак и легонько толкнул Джека в плечо.

Парень скривился. С каждой грёбаной секундой Уоррен нравился мне всё меньше и меньше.

— Мы собираемся проверить наши «дыры». Ты с нами? — спросил Уоррен.

— Нет. Обойдусь.

— Теперь можем идти? — вмешалась Карен, отступив ближе к саду. — У меня сеанс через пятнадцать минут, — она ткнула пальцем вверх, указав на часы на здании.

Наши личные вещи были изъяты, в том числе и часы. Часы, которые висели на здании, были единственным источником времени, которым мы располагали.

— У меня тоже, — сказала я.

Уоррен побежал трусцой впереди нас и развёл руки. Он неплохо выглядел среди густой листвы, словно Плутос — греческий бог изобилия.

— Камеры повсюду, — он указал наверх. Я не смотрела прямо перед собой, но, покосившись, увидела какое-то стекло на ветках дерева. — Но есть места, которые камеры не видят. Так называемые «дыры» в их системе наблюдения, — даже в своей дурацкой рубашке психически больного Уоррен представлял собой пуп земли, знавший всё во вселенной. — Как вот здесь. Дыра. Они могут найти тебя только в том случае, когда будут проходить неподалёку, но камеры не зафиксируют ничего из того дерьма, которое ты будешь здесь творить до тех пор, пока ты сама не вытянешь это дерьмо в поле зрения камер. Идите за мной.

Словно открыв ловушку, он указал на три метра пространства так называемых «дыр».

— Но они тоже знают о существовании этих «дыр», — вмешалась Карен. — Если они видят, что кто-то выходит из поля зрения камеры, но не замечают, как ты возвращаешься, то приходят и проверяют тебя.

— Если только они внимательно смотрят, — ответил Уоррен. — Рисковое дело. Идёмте к заливу.

Мы прошли вниз по извилистой тропе. Я слышала, как автомобили превышали скорость где-то за изгородью, но это было похоже на магистраль. К шуму машин добавился звук плеска воды, и пройдя линию деревьев, мы вышли к заливу. Забор из сетки ограждал нас от воды.

— Это Тихий океан? — спросила я, последовав за ними к забору, в котором была прорезана дыра.

— И близко нет, — Уоррен оттопырил край разрезанной сетки забора. — Мы находимся в месте под названием «Нигде».

Мы проползли под сеткой. Карен положила журнал на ствол упавшего дерева и, сняв обувь, принялась закатывать края штанов.

— Давай, сладкая, — сказал Уоррен, когда Карен шагнула в воду. — Я в этом не участвую.

— Почему? — я последовала примеру Карен, закатав штаны.

— Из-за моего младшего брата.

— А что с ним? — я попробовала воду пальцем. Вода даже на солнце была холодная как лёд, а дно было выложено маленькими круглыми камешками.

— Я попытался его утопить, — ответил Уоррен таким тоном, словно учил его играть в видеоигру или объяснил какую краску выбрать для рисунка. — Если меня поймают в воде, мой отец меня убьёт.

— Сейчас утро, и они не смогут увидеть, даже если ты будешь в воде. Влага на линзах конденсируется, камеры мокрые. Дождь только что прекратился, листья тяжёлые от капель и блокируют видимость камер.

Карен вскинула руки вверх и подняла лицо в небо:

— Я люблю «дыры».

— Если вы когда-нибудь потеряете Карен, — крикнул Уоррен, стоявший у кромки воды, — в первую очередь ищите её в «дырах».

Что-то в том, чтобы быть скрытым от глаз сотрудников больницы, напомнило мне свободу. Но, почувствовав взгляд Уоррена на себе, я перестала ощущать себя в безопасности.

— На что уставился? — спросила я.

— У тебя сеанс с Чепмэном?

— Да.

Уоррен похрустел шеей в обе стороны и указал на часы на здании.

— Сеанс начинается через пять минут.

Блядь. Я выпрыгнула из воды и надела свою обувь на мокрые ноги.

— Сможешь вернуться? — прокричала Карен, но я уже проползла под сеткой забора.

Доктор Чепмэн выглядел усталым, когда закрывал жалюзи.

— Зачем вы остановили меня в последний раз? — ноги болели из-за холодной воды, и я пыталась скрыть тот факт, что бежала. — Вы лишили себя самой лучшей части.

— Сеанс подошёл к концу.

Эллиот посмотрел в окно и обратно на меня так быстро, что я бы пропустила это, если бы «Аддерал»^[13] не сделал меня гиперактивной.

— Правда?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что после этого мы разговаривали в течение пяти минут. Ну, знаете, я осталась подумать о том, что случилось после. В машине Дикона.

— Ты можешь мне рассказать, — он потёр свой бицепс.

Я заметила, что его часы соскользнули с запястья. У него были очень милые запястья: широкие, с выпирающей костью. Очень мужские. Я сузила глаза, пожелав, чтобы рукав его рубашки поднялся выше, позволив мне увидеть больше.

— Не хочу говорить вам сейчас. Вы разбиты, — ответила я.

— Твои родители приезжали вчера. Как прошла встреча? — я пожала плечами. — Твой отец очень интересный человек.

— Насколько?

— Он женился на твоей матери в очень раннем возрасте.

Я села необычайно ровно и хотела поднять руку вверх, заставив тем самым его заткнуться. Он мог копать в моей голове, если ему так хотелось, но не нужно было затрагивать проблемы моей семьи.

— Они до сих пор женаты, у них восемь детей. Не вижу проблемы.

Доктор ничего не ответил. Хотелось вонзиться ногтями в его симпатичное лицо после этих слов, но не менее сильно я мечтала доказать то, что могу сдерживать себя.

— Вы снова собираетесь меня загипнотизировать? — спросила я.

— Только если это помогло тебе в прошлый раз.

— Вы когда-нибудь настаиваете на том, чего на самом деле хотите, доктор?

Он встал.

— В этой комнате нет. Здесь командуешь ты.

Ну, если он расценивал это так, то я не была против. У меня получилось бы командовать в этой маленькой комнатке. Я плюхнулась на диван. Эллиот последовал за мной и сел рядом. И я услышала шорох ткани его брюк, когда он закидывал ногу на ногу.

— Я сосчитаю от пяти в обратном порядке, — произнёс он.

— Ладно.

— Пять...

Его машина просто огромная, а сам Дикон пахнет мятой. Он ничего не говорит, и мою грудь распирает от напряжения. Это ошибка? Он не похож на серийного убийцу, но,

возможно, он и не заинтересован во мне. Эрл хорош для траха в трудную минуту, и это лучше, чем ничего.

— Имя есть? — спрашиваю я, пытаюсь застегнуть блузку.

— Да.

— Меня зовут Фиона.

— Я это уже понял, — он слегка поворачивает голову. — Я — Дикон, — его взгляд скользит по моим голым сиськам, но потом он отворачивается к дороге.

— Мне застегнуться?

— Да.

Пальцы трясутся, пока я застёгиваю пуговицы. Не такого ответа я ожидала, и мне вдруг становится стыдно. Но, когда замечаю, с какой силой он сжимает руль руками, мои соски напрягаются, а кольца пирсинга трутся о ткань блузки.

— Так что, — начинаю я, — куда мы едем?

— Подальше от бешеных папарацци, — Дикон останавливается на красный свет и поворачивается ко мне всем корпусом. — Как ты живёшь? Все эти люди выются вокруг тебя постоянно?

Я пожимаю плечами.

— Сначала меня расстраивало их непонимание и то, что они напечатали фото, на которых я целуюсь с Брентом Огилвом, хотя на самом деле встречалась с Джеральдом. Это было паршиво. Но в итоге Джеральд оказался уёбком, поэтому они сделали мне одолжение.

Я не хочу говорить о папарацци. Но хочу этого мужчину, сидящего перед мной. Кладу руку на его бедро и скольжу пальцами к паху. Всё его тело напрягается. Дикон берёт мою руку в свою и убирает на мои колени.

— Ты гей? — спрашиваю я.

— Нет.

— Слушай, если ты не хочешь этого, не беда. Просто высади меня.

— Расслабься, — отвечает он, сжимая мою руку перед тем, как отпустить.

Мне становится некомфортно и грустно. Автомобиль теперь кажется таким маленьким, и этот человек выкачивает из него весь воздух, создавая вакуум, и своим присутствием как будто вытесняет меня. Внезапно понимаю, что не хочу заниматься сексом вообще. Ни с ним, ни с кем-либо ещё. Я просто хочу почувствовать, что у меня снова всё под контролем.

Открываю дверь настолько, чтобы свет от окружающих нас машин проник внутрь. Мы едем небыстро, и я знаю, что он нарочно замедляется. Но не высаживает меня. А наклоняется ко мне и тянет ремень безопасности через моё тело. Его мятный запах смешивается с ароматом сандалового дерева, заставляя меня хотеть, чтобы он оказался во мне, но я по-прежнему желаю выбраться нахрен из этой грёбаной машины.

Щелчок.

Он застёгивает ремень безопасности.

— Ты в районе художников. Уже поздно, и вокруг полно пьяных. Нет необходимости рисковать зря.

Я в ярости. На самом деле. Потому что он прав.

Мы проезжаем несколько кварталов, и всё это время я смотрю на него. Не испытываю к нему ненависти, но он привлекает меня, и в своей злости я снова хочу трахнуть его. Чувствую пульсацию между ног, вспоминая дерьмо, которое хочу забыть: тот крышесносный поцелуй и себя на пассажирском сидении в нескольких миллиметрах от киски мёртвой

девушки, всё ещё пахнувшей сексом.

Я не думаю об этом.

Не думаю об этом.

«Фиона, хочешь остановиться? Ты плачешь».

Говорю что-то. Что-то о том, что Пинкертон никогда не подводил в те моменты, когда Аманда была за рулём. И нет, я, блядь не хочу останавливаться. Хочу вспомнить Дикона таким же понятным и прекрасным. Что-то о том, как он пахнет, или о том, из какой ткани сшит его пиджак. Что-то о его руках. То, как они неподвижны, когда он спокоен. Я забыла это.

Чувствую пальцы Эллиота на моём запястье и сквозь мягкую завесу слышу его голос: *«Ладно. Ты начинаешь путать вещи. Аманда Вестин умерла после того, как ты встретила Дикона. Тебе не стоит думать об инциденте, если не хочешь. Контроль по-прежнему у тебя».*

Дикон поворачивает направо, а потом ещё раз направо к складу, подъездная дорожка к которому засыпана гравием. Мы находимся на неосвещённой аллее в центре города. Он включает свет в машине.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Итак, — произношу я, — чего ты хочешь? Собираешься связать меня и убить?

Мужчина начинает громко смеяться, и моя злость рассеивается.

— Предполагаю, это был не твой бойфренд.

Пожимаю плечами:

— Всего лишь развлечение на вечер четверга.

Отстёгиваю ремень безопасности, чтобы посмотреть, отпустит ли он меня. Он сидит неподвижно, даже не пытаясь повторно меня пристегнуть. Я поворачиваюсь, встаю коленом на тёплую кожу и разворачиваюсь спиной к панели управления, таким образом я получу лучший вид для осмотра этого мужчины. Его щетина только-только появляется. Волевой подбородок. Тёмные волосы. Синие глаза с полыхающим в них огнём.

Знаю, что он видит мои сиськи через блузку. Я довольно-таки часто хожу без лифчика, потому что у меня маленький размер. Что-то среднее между первым и вторым. Возможно, один с половиной. Соски светло-розового цвета уже торчат, возбуждаясь от его взгляда.

— Нравится то, что видишь? — спрашиваю я.

— Да, довольно неплохо. Всегда бродишь полуголой?

— Только когда преследую красивых мужчин, увиденных в туалете.

— И зачем ты это делаешь?

— Импульс. Инстинкт. Я всегда так делаю.

— Ты очень красивая, — произносит он.

— Спасибо, милый. Тебе не нужно льстить, чтобы забраться мне под юбку.

— Я всё ещё пытаюсь понять, стоит ли это того.

— О, я обещаю... — тянусь, чтобы коснуться его, но он перехватывает моё запястье.

— Положи их позади себя. На панель управления.

Оу. Властный.

— Ты заходил в туалет. Все ещё хочешь писать?

— Я в порядке.

— Аа... Хм. Не знаю, что у тебя на уме, но я уже делала это.

— Ты позволяла кому-то помочиться на тебя?

— Либо ты, либо на тебя.

— И как это?

Я пожимаю плечами, не убирая рук с панели управления.

— Поставила галочку в списке «больше не повторять».

Дикон молчит мгновение, а потом раздаётся настолько глубокий смех, что я вижу, как двигается его грудь. И не могу сдержать улыбку. Он удовлетворён, и это кое-что значит для меня.

— Сколько тебе лет? — спрашивает он.

— Достаточно, — он недоволен моим ответом, поэтому хватает мою сумочку. — Эй!

— Руки на панель! — произносит он, продолжая рыться в ней.

Отбрасывает упаковку с противозачаточными таблетками и достаёт мой кошелёк. Мне становится не по себе, словно сестра Элизабет стоит надо мной с салфеткой, собираясь забрать жвачку у меня изо рта.

— Это твой заёб? — спрашиваю я. — Рыться в сумочках девушек?

Дикон открывает кошелёк.

— По-моему, ты совсем не против, чтобы я воспользовался твоим телом, но не хочешь, чтобы залез в твой кошелёк? Не знаю, в чём разница — в культурных или человеческих ценностях — но факт остаётся фактом: я не собираюсь садиться в тюрьму, если ты не возражаешь, — он перебирает каждую стодолларовую купюру, прежде чем добирается до отделения с карточками. На краю чёрной карты Американ Экспресс всё ещё остался след от белого порошка. Мужчина находит моё водительское удостоверение и достаёт его из кошелька. — Двадцать два.

— Родилась в день Сурка.

Прячет удостоверение обратно и кладёт кошелёк назад в сумочку.

— Что ещё есть в твоём списке? — он отбрасывает сумочку в сторону.

Прикусываю нижнюю губу:

— Попасть в передрыгу на аллее в центре города.

— Я о настоящем списке.

В любом другом случае я бы уже перестала париться, но хочу удивить его. Мне просто необходимо ему *понравиться*.

— Дрессура лошадей для Олимпиады.

— Дрессура? Я думал, ты танцовщица.

— Что это должно означать?

— Я сказал это не для того, чтобы обидеть. У тебя тело гимнастки, но дисциплина пошла бы тебе на пользу и вытащила бы из туалета клуба. Поэтому я склонялся к танцовщице. И не подумал бы о дрессуре, даже если бы знал, что ты участвовала в скачках.

— Я участвовала лишь однажды, в Стенфорде на арабском скаковом жеребце. Мы участвовали в соревнованиях за кубок Святого Джорджа.

Мой ответ является защитой. В нём нет ни капли сексуальности. Мужчина намекает на то, что я маленькая и никем не контролируемая девочка с плоской грудью и мускулистыми ногами. Обычно подобные заявления от мужчин я встречаю ответными ножами в спину с целью заполучить грязный разговорчик о сексе. Но сейчас мне нужно, чтобы этот мужчина уважал меня.

— На месте, вперёд, шагом, — произносит он, касаясь большим пальцем моей щеки. — Подчинение превьше всего.

— Знаешь, как управлять лошастью?

— Я провёл несколько лет за океаном, общаясь с различными людьми, — поворачиваю голову и обхватываю его палец своими губами, позволяя ему проскользнуть между моих зубов по языку. Он улыбается, когда я отпускаю его. — Буду честен, — произносит он.

— Ага, — я снова набрасываюсь на его палец.

— Я не ищу партнёра по сексу.

— Тогда что ты делал в клубе «Помпеи»? — я засасываю его средний палец и проталкиваю глубоко в своё горло, а пока он скользит по моему языку, наблюдаю, как меняется лицо Дикона. Возможно, он хотел лишь помочь богатенькой девочке, оказавшейся в беде, но с каждой секундой его идеи о том, что с ней делать, раздвигают все границы. Я вижу это по его жадным увлажнившимся пальцам и расширенным зрачкам.

— Встреча с владельцем клуба. Мы планируем мероприятие, — говорит он.

— Какое мероприятие?

— Такое, которым ты сможешь насладиться.

И мой мозг, находясь в своём расслабленном состоянии, теряется под взглядом его синих глаз. На этом мероприятии на Манди Стрит я стою на коленях с профессионально двигающимся языком у моего ануса, вибратором в своей киске и членом во рту. Счастливая, довольная и удовлетворённая от накачивающих оргазмов, я чувствую себя так, словно парю за пределами собственного тела.

* * *

Когда я пришла в себя, моя спина была выгнута, я еле дышала и чувствовала прикосновение двух пальцев Эллиота на своём запястье.

— Простите, — произнесла я, дыша глубоко и неровно.

— Не извиняйся, — он смотрел на часы ещё секунду, а потом опустил руку. — У тебя ускоренное сердцебиение.

— Я не пыталась доставить вам неприятности.

— Тебе придётся изрядно потрудиться, чтобы доставить их мне, — его улыбка была расслабленной, поэтому я ему поверила.

Мне хотелось потрудиться, чтобы доставить ему неудобство, потому что хотелось бы посмотреть, как это будет.

— Я это запомню.

— Просто ляг и расслабься.

Несколько минут мы не произносили ни слова. Я медленно дышала, попытавшись успокоить своё бешеное сердцебиение.

— Это была твоя первая встреча с Диконом?

— Да.

— Когда ты снова его увидела?

— Он пригласил меня на вечеринку, которую устраивал владелец клуба Паоло. Я не собиралась идти, но Чарли услышала, что это будет на Манди Стрит, и просто сошла с ума. Я думала, что снова увижу Дикона. Но не увидела.

— Нет?

— Он известен тем, что не показывался на своих вечеринках. Дикон нашёл меня

приблизительно через неделю у Люсьена. Оплатил целый обед, а потом попытался ускользнуть из комнаты.

— Что ты сделала?

Я издала саркастический смешок.

— Начала преследовать его задницу. Он подждал меня на парковке, как будто знал, что я приду за ним. Но не позволил прикасаться к нему. Даже когда мы вернулись к нему домой. Он говорил, что прикосновения к нему являются своего рода привилегией, которую нужно заслужить. Я не понимала. Думала, что он был придурком.

— Большинство доминантов не любят, когда к ним прикасаются. По крайней мере, до тех пор, пока не начнут доверять.

— Да, но... Я не знала этого. Откуда *вы* знаете?

— Я твой врач. И не сплю допоздна, проводя кое-какие исследования.

— Исследования, значит? Спорим, коробка салфеток перед компьютером является неотъемлемым атрибутом этого исследования, — он не ответил. — Простите, — произнесла я.

— Когда Дикон позволил тебе прикоснуться к нему?

— Не знаю. Думаю, он должен был быть связан или что-то ещё, чтобы я ударила его ножом. Но как? Его связывали в Конго, и ему это не нравится. Это не заводит его, а, наоборот, убивает любое возбуждение. Возможно, я прибежала откуда-то и потом ударила его? — я медленно потрясла головой — Последним я запомнила беспорядочную смесь всякого дерьма.

— Смесь?

— Таблетки и секс. Кто-то занимается с верёвками. Думаю, меня подвешивали на некоторое время. А это значит, что Дикон был там, когда меня связывали.

— Никто другой никогда не связывал тебя? — спросил Эллиот.

— Меня связывали бесчисленное количество раз до того, как мы с ним стали эксклюзивной парой. Но что касалось настоящего искусства вязания шибари? Дикон всегда делал это лично. Он бы не позволил сделать это кому-либо ещё. Так было с самого начала.

— То есть ты была эксклюзивной с самого первого дня?

— Да, — я не думала об этом в таком ракурсе, но сейчас меня распирало от детской гордости. — Даже Мартину и Дебби не разрешалось это делать.

— Кто они такие?

— Они живут в доме номер два. Это его самые лучшие ученики. Дебби великолепна. Она связывает лишь мужчин. Делает прекрасные вещи, и у неё на самом деле искусная методика, даже несмотря на то, что она так молода. Мартин очень талантлив, но Дикон говорит, что он никогда не постигнет сути, — я пожалала плечами. — Даже если бы я была под наркотиками и позволила бы им связать меня, то Дебби всё равно не ослушалась бы Дикона, а Мартин был в Нью-Йорке. Поэтому я не знаю.

Эллиот вертикально поставил ручку на стол, продолжив держать её между пальцами. После этого он поёрзал в своём кресле. Почему каждое его движение пробуждало во мне такой интерес? Почему я наблюдала за ним? Возможно, это из-за того, что у него была такая власть надо мной, или потому, что он говорил движениями, словно в его теле сначала зарождались не слова, а тень этих слов.

— Думаю, что мы скоро это выясним, — произнёс он. — Мистер Брюс чувствует себя достаточно хорошо, чтобы дать показания. Если у тебя есть, что рассказать мне, полиции

или адвокату, лучше это сделать сейчас.

Он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы давать показания. Ему лучше. Я громко сглотнула и набрала полные лёгкие воздуха.

— Слава Богу.

— Ты не боишься того, что он может сказать?

— Нет.

— Он может выдвинуть обвинение.

— Я не беспокоюсь по этому поводу.

— А о чём беспокоишься? — спросил он.

— Как долго вы здесь работаете?

— Сейчас важно не это. Ты меняешь тему разговора.

— Я клоню к тому, что неважно, что он скажет, у нас есть адвокаты. А у них есть свои адвокаты. Если бы он захотел что-то сделать, сделал бы это. То, о чём я беспокоюсь, не касается закона. Дикон — вот мой закон. Он единственный, кого я должна слушаться. Я беспокоюсь о том, что *сделала*. Как это повлияло *на него*. *На нас*.

— У тебя очень странное чувство восприятия.

— Мне говорили, что это аффлюэнца^[14].

Эллиот с грустью улыбнулся.

— Сеанс окончен. Увидимся завтра.

Я могла поесть и в своей комнате, но время наедине с собой нельзя было назвать полезным, к тому же я провела здесь слишком много времени. Поэтому, когда Джек сел рядом со мной, мне стало легче от контакта с человеком. И в то же время я не знала, что с этим делать.

— Завтра последний день, — произнёс он, разломив свой свежеиспечённый хлеб и обмокнув его во взбитое с сахаром масло. — Что думаешь?

— Думаю, они меня отпустят.

— Тебя возьмут под арест ещё до того момента, как ты ступишь за порог.

Я пожала плечами.

— Они внесут залог. Я вернусь домой, а там посмотрим.

Я наблюдала за кусочком ветчины в супе, которые туда сама и кинула. Ещё и овощи на гриле. Маринованная говядина. Вся еда была такой, и под «такой» я подразумевала самое худшее дерьмо в своей жизни. Словно я скиталась по району в поисках этой пищи.

Я оттолкнула поднос:

— Еда просто отстой.

Мне хотелось того, чего не было на моём подносе. Тревога прожигала в груди дыру. Мне не становилось легче. Ни от тех таблеток, которыми они меня пичкали. Ни от терапии или гипноза. У меня были свои способы решить проблемы, но их отняли.

— Они ожидают, что я завяжу с выпивкой, когда выйду отсюда, да? — спросила я.

— Скорее всего. Но какая разница. Просто найди себе водителя, и они не почувствуют разницы. Всем насрать на то, что ты делаешь, пока не начинаешь вредить какому-нибудь важному ученику средней школы. Вот тогда ты оказываешься с головой в дерьме.

То, что он вычищал хлебом свою тарелку и лишь как бы невзначай отпускал этот комментарий, должно было сказать мне, что Джек не вкладывал в свои слова настоящий смысл. Он пытался подколоть меня. Хотел задеть за живое мои и без того больные места. Ему удалось, но мне это показалось легкомысленным и жестоким.

— И как это понимать? — произнесла я.

Он продолжил жевать:

— Это означает то, что мы можем и дальше разрушать сами себя, но только до тех пор, пока не вредим кому-либо ещё. Тому, у кого нет ничего. После этого наши головы покатаются, — он провёл пальцем по горлу. — Серьёзно, я здесь потому, что продал жвачку с наркотиком учительнице. В новостях буквально кричали о том, что мой отец старался выдвинуть против неё обвинения, будто это она на мне зарабатывала. Ну а я? Я продал четыре грамма Рольфу Венте и получил своих кузнечиков, — Джек перестал жевать. — Почему ты так на меня смотришь?

— Людям не было насрать на Аманду.

— Нет. Тебе тоже не было. Остальные просто замедлили шаг, чтобы рассмотреть кровь на дороге.

А крови на самом деле было много. Богатая кровь. Если отрубить голову Чарли, то можно даже сказать, что голубая кровь. Лицо Аманды и искорёженное трещинами лобовое стекло проплывали передо мной, пока я под кайфом сидела на заднем сиденье её машины. Она казалась мне персонажем из мультфильма, который мог протискивать свою голову в

щель в стене и вытаскивать её обратно, превратив своё лицо в карикатуру. Я положила руку на её попку и, лаская, произнесла:

— Упругая и сладкая, детка. Упругая и сладкая. С тобой всё будет в порядке.

— Ты же не собираешься расплакаться? — скептически произнёс Джек. — Тебе не разрешено иметь проблемы, мисс Сладкие Сиськи. Поэтому извини.

Я не знала, что с Джеком было не так. Что-то, вероятно, случилось в его мире, потому что он был раздражительным и защищался, но мне было насрать. Мысль о том, что всем было наплевать на смерть Аманды даже после того, как об этом написали во всех газетах, а её родители не пускали людей на похороны, тяготила моё сердце. Он был прав. Всем было наплевать на неё.

Но разве можно заставить людей заботиться о чём-нибудь? Аманда Вестин погибла из-за ДТП, сев пьяной за руль, потому что её водитель сбежал, будучи сыном какого-то графа где-то в захолустье Европы. Да, была масса репортёрских машин, цветы на похороны присылали из Индии, но как я должна была заставить их переживать? Как могла сказать им, кем она была? Рассказать о том, что она заставляла меня смеяться, когда мне было грустно? Что она любила своих собак? И отдавала мне последнюю дозу кокаина, когда я в этом нуждалась? Или о том, что она всегда была готова трахнуть со мной, когда я этого просила?

— Она была хорошим человеком, — произнесла я. — Одной из лучших.

— Конечно, — Джек пожал плечами.

Маленький комок тревоги в моей груди перерос во что-то большее. В то, что не имело границ. Во что-то большее, чем я. Шире, чем могла выдержать моя грудь, и у этого чего-то была своя сила.

Именно эта сила внутри меня, *а не я* оттолкнула поднос. Пнуть его доставило мне удовольствие, потому что внутри меня появилось некое пространство: уголок, в котором не было этой тревоги. Я оттолкнула и поднос Джека тоже. Смахнула рукой всё, что там было, и отбросила подставку с солонкой и перечницей, а потом залезла на стол. Когда я прыгнула со стола, эти ублюдки уже пришли, чтобы поймать меня. Берни, старый добрый Берни, был намерен не дать мне упасть, а Френсис уже доставала из кармана шприц.

Я проснулась, будучи привязанной к кровати. Эллиот сидел возле меня и делал какие-то записи в моей больничной карте.

— О Боже, — произнесла я, попытавшись прикрыть глаза руками, но у меня ничего не вышло.

Эллиот встал и выключил светильник, висевший над моей головой и отбрасывавший мягкий свет на фотографию Снежка на моём столике.

— Какие-нибудь мышцы болят? Слабость чувствуешь?

— Что вы мне дали? Я не могу ничего почувствовать.

— Обещаешь не бросаться на меня?

— Блядь. Вы теперь меня не выпустите. Я здесь застряну. Зачем я это сделала? — моё лицо исказила гримаса. Я собиралась расплакаться прямо перед Эллиотом, даже осознавая, что каждая слеза становилась ещё одним гвоздём в гроб моего здравомыслия. Он освободил мою правую руку, и я прикрыла ею лицо.

— Я консультант и не выдаю тебе таблетки. Могу только предложить. Но ты выглядишь так, будто спала дольше, чем нужно, но недостаточно крепко, — ответил он.

— Что?

Он рассмеялся.

— Прости. Уже поздно. Моё чувство юмора умирает, когда я устаю, — он высвободил мою левую руку и переместился к изножью кровати.

— Рада, что оно у вас вообще есть, хоть и странное.

Он улыбнулся и начал расстёгивать мою лодыжку.

— Я выпишу что-нибудь вместо «Паксила»^[15].

Он освободил обе мои лодыжки, и я уселась на кровати. Окружающий меня мир слегка вращался, и я ухватилась за край. Комната остановилась.

— Вы собираетесь меня отпустить? — спросила я.

— Мне предстоит понаблюдать за тобой ещё один день. Ты хочешь уйти?

— Пожалуй, да.

Он уселся рядом со мной.

— Дикон Брюс, по его собственным словам, наткнулся на нож сам.

— Он что?

— Вероятно, упал на него дважды.

Любая расслабленность от таблеток мгновенно испарилась, словно я скинула её с себя так, как змеи сбрасывали кожу.

— Он защищает меня.

— Окружной прокурор тоже не верит ему. Но, в конце концов, возбудить дело будет сложно. Ты везучая, — его изумрудные глаза смотрели на меня, будто видели насквозь. — Не похоже, что тебе стало легче.

— Мне лучше.

— Не начинай пока собирать вещи. Ладно?

— Мне и собирать особо нечего. Фото, и, видимо, должна была быть одежда? То есть кто меня знает, да? — я потянулась за фотографией, и Эллиот снова заговорил со мной, практически повторив слова моего отца.

— Когда ты выйдешь отсюда, тебе предстоит пройти определённую программу, — сказал он. — Знаю, ты привыкла к вечеринкам, но это для твоего же блага, и надеюсь, ты тоже так думаешь.

Я едва слышала его слова. Разглядывала фото, на котором была изображена вместе со Снежком. Он был подарком отца, и мой восторг от нового чёрно-белого костюма для дрессуры был написан на моём лице. От волнения Снежок пятился от странного улыбающегося создания, стоящего возле него.

— Сколько лет тебе на фото? — спросил Эллиот, усевшись на стул, стоящий у кровати.

— Мне только исполнилось пятнадцать. Мама не хотела, чтобы он у меня был. Она думала, что я была слишком безответственной. Но я поклялась доказать ей то, что она ошибалась.

— Доказала?

— Да. До недавнего инцидента. Когда умерла Аманда, я вроде как оставила его в конюшне. Блядь. Он был моим. Я тренировала его. И он был хорош. Идеальный темперамент, лёгкое движение ног, ему удавалось выбрать темп, он был чемпионом. А я просто бросила его, словно он ничего не значил. И я ещё хочу, чтобы люди заботились обо мне? Блядь, да я ничтожество, — Эллиот передал мне упаковку салфеток, буквально вынудив меня засмеяться сквозь слёзы. — Грёбанный терапевт, — произнесла я.

— Что?

— Вы даёте мне салфетки, чтобы я могла высморкаться, будто это самая важная вещь в жизни.

Он наклонился, поставив локти на колени.

— Важным является то, что этими действиями я показываю тебе — ты не ничтожество.

Я высморкалась. Мне было так плохо, ощущение того, что я словно гнила, и чёрный комок этой гнили с каждой секундой рос во мне всё больше. Мне было известно, как оттолкнуть его. Я знала, как управлять им, и, понаблюдав за тем, как Эллиот сунул пальцы между колен, задумалась о том, как затащить его в постель. Когда он рукой коснулся моего лба, между нами пронёсся палящий жар.

— Будучи без сознания, ты пропустила сеанс сегодня утром. Так что наша последняя встреча состоится через час.

Ему бы лучше прекратить прикасаться ко мне. И лучше нахер отвалить от меня. Воздух застрял в горле словно огромная таблетка.

— Ладно, — произнесла я, даже не решившись посмотреть на него.

Знала, что его взгляд будет тёплым и приглашающим, а его губы изогнутыми в улыбке. Он пах мускусом и желанием. Его пальцы слегка скользнули по моей коже, когда он убирал руку. И Эллиот ушёл, забрав весь воздух с собой.

О Боже.

Я почувствовала пульсацию.

Мне нужно было это.

Если я появлюсь в кабинете Эллиота в таком состоянии, то сделаю глупость. И потеряю контроль. Прикоснусь к нему. Сближусь с ним. Открою ему своё тело. И это будет концом. Я застряну в Вестонвуде, потому что, даже не смотря на полыхающее между нами пламя, он придерживался такого понятия, как профессиональная этика. Секс с пациенткой не входил в повестку дня. Возможно, мой мозг и был на каких-то сраных таблетках, но это не делало меня идиоткой.

Час. У меня был час, чтобы избавиться от пульсации. Я находилась в лечебнице, в которой присутствовали как мужчины, так и женщины, а у меня был только один час для того, чтобы найти хотя бы на какую-то половину здоровый эрегированный член. Насколько трудную задачу я себе поставила?

Я провела здесь два дня и смогла вписаться в график. Более или менее. Я отправилась в уборную. Сейчас был тихий час, а это означало, что основная часть пациентов была или на терапии, или общалась с посетителями. Джека, помешанного на цветах, перед телевизором не было. Карен сидела на улице и листала журнал так, словно это было её домашним заданием.

— Что-то ищешь?

Я развернулась. Френсис стояла позади меня, сложив руки за спиной.

— Да. Эм, Джек разве обычно не здесь зависает?

— Почему бы тебе не проверить его комнату?

— Точно. Спасибо, — я отступила назад.

— Мисс Дрейзен, — позвала Френсис.

— Да?

— Оставьте дверь открытой.

— Да, мэм.

Я поспешила в холл, который вёл к комнатам. После первого поворота я завернула в сад. Дождя не было целый день, и из сопливого Лос-Анжелес снова превратился в солнечный город. Я искала кого-то. Кого угодно. Прошла мимо ручейка и размышляла о том, что, возможно, Джек возился с крапивой. Но его там не было, зато увидела Уоррена Чилтона. Его взгляд пронзил меня с другой стороны ограды.

— Привет, — сказала я. — Чем занят?

— А на что похоже?

— На валяние дурака, — я указала подбородком на дыру в ограде. — Помощь нужна?

И перебралась на другую сторону как раз в тот момент, когда Уоррен бросил камень в воду. Он скрылся под водой, не издав даже характерное бульканье.

— В этой дыре можно сдохнуть от тоски, — произнёс он.

— У меня есть лекарство от этого, — ответила я, взяв его за руку.

И положила его ладонь на свою грудь, что было очень неуместно, учитывая мой размер. Но Уоррен, не промедлив ни секунды, схватил мой сосок и ущипнул его.

— У тебя ведь был пирсинг, — сказал он.

— Они сняли все. Ты это знаешь.

Он покрутил его между пальцев. Боже, это было приятно. Мне не нравился этот парень, но нравилось то, что он заставлял меня чувствовать.

— Я трахну тебя так жёстко, что тебе придётся остаться здесь ещё лет на десять.

— Переходи к делу, стилига.

Через секунду он коснулся моего лица, словно пытался узнать, было ли это ловушкой, не вожу ли я его за нос. Я скользнула рукой к его члену, который был твёрдым лишь наполовину. Боже, я надеялась, что таблетки не лишили его эрекции, потому что у меня не было времени возбуждать его. Он схватил меня за шею и толкнул к забору.

— Какого... — я не смогла закончить фразу из-за давления на моей шее.

Мне такое не нравилось, и я хотела сказать ему о том, чтобы он остановился. Но, когда я попыталась оттолкнуть его руку, он проигнорировал это и дёрнул вниз мои штаны.

— Не двигайся, — рывкнул он, находя пальцем мою щель под тканью трусиков. — О, ты готова.

Его рука с моей шеи переместилась на грудь, и он достал свой член. Я набрала воздуха в лёгкие.

— Никакого удушья, Уоррен, — я спустила одну штанину вниз по ноге. — Я тебя предупреждаю.

— Конечно.

— Эй, — голос был негромким, но уверенным.

Блядь.

Охрана стояла прямо за нами. Уоррен отскочил от меня, словно я была раскалённым углём.

— Что вы делаете по ту сторону забора?

— Это из-за неё, — Уоррен указал на меня. Массивный член выглядывал из-под пояса его штанов, говоря о его лжи.

— Чилтон, тащи свою задницу обратно, — сказал один из охранников. — Не заставляй меня снова писать жалобу, — он достал свою рацию, изучив дыру в заборе. — Эй, Нэд, — сказал он в рацию. — У нас прореха на участке 472.

Уоррен пролез в дыру и побежал через деревья. Охранник смотрел, как я натягивала свои штаны.

— Забирайся назад, — произнёс он. — На этот раз тебе прощается. Давай внутрь.

Он указал на здание. И я поспешила подальше от него. У меня осталось сорок пять минут. Клитор был чувствительным к трению половых губ об него, а я торопилась назад. От желания унять эту пульсацию мой мозг и сам начинал пульсировать. Всем, о чём я только могла думать, был секс. Ёбаная пульсация. Я ненавидела свои желания. Впервые в жизни они казались мне бременем, а не врождённой чертой характера.

Уоррен был плохой идеей. Этот ублюдок собирался подставить меня, из-за этого возникла бы куча проблем. Я поняла, что понятия не имела, где находилась комната Джека. Блядь. Блядь! Блядство!! Он вообще был в своей комнате? А если мне не удастся его найти? Я начинала думать об Эллиоте так, как не должна была думать. Задумалась о том, что это могло выйти наружу во время гипноза. Он снова прикоснётся ко мне, и я скажу что-то вроде: «Эй... Давайте...»

Я спустилась вниз по лестнице и начала обыскивать каждую комнату. Все двери были открыты. Большинство комнат были пустыми и чистыми, или в них находились незнакомые мне люди. Через сорок минут я буду стоять перед мужчиной явно с членом и, возможно, смогу убедить его трахнуть меня.

Но я продолжала думать о подвязывании к потолку, о том, как узлы натирали мою кожу, и о том, как член Дикона скользил по моему бедру.

«Скажи мне, как сильно ты хочешь этого, мой прекрасный котёнок.

Сильно... сильно... сильно... сильно...»

Моя задница. Моя бедная задница страдала после того, как он шлёпал её, сдерживая тем самым лавину желания. Я теряла дни, теряясь в нём. Он был мне нужен. Я не контролировала себя без него.

И я ударила его ножом в грудь.

Ни на секунду не поверила его признательным показаниям. Они побуждали меня осознать лишь то, что это сделала я. *Я сделала это. Я ударила его.*

Какого хера?

Какого, собственно, хера?

— Привет, Фиона.

Я резко обернулась. Джек стоял в зале с полным полотенцем жёлтых цветов.

— Джек, я тебя искала.

— Итак, миссия завершена. Ты меня нашла.

Я подступила к нему поближе, чтобы сказать то, чего не услышат другие:

— Ты говорил, что с тобой всё-таки можно трахаться.

— Мне нравилось так думать. А что?

Складывалось впечатление, что тысячи намёков и подсказок, которые я всю свою жизнь делала мужчинам, были для них на самом деле каким-то непонятным кодом. Если бы мы были в обычной обстановке, я бы оголила какую-нибудь часть своего тела, но повсюду были камеры.

Поэтому я наклонилась поближе к нему и сжала губы, прежде чем прошептать.

— Я хочу, чтобы ты показал мне, как можешь трахаться.

Его нижняя губа дрогнула, а глаза расширились. Он попытался сглотнуть, но из его рта вылетел странный звук, поэтому ничего не вышло. Я решила, что это было хорошим знаком.

— Хочешь прикоснуться к моим сиськам? Соски уже затвердели. Знаю место, где мы могли бы это сделать, — никто не увидит нас. Я могу так глубоко взять твой член в рот, что моя слюна будет течь по твоим яйцам. И я проглочу каждую каплю твоей спермы. Всё до последнего.

Джек ничего не сказал, но, когда я потянулась, чтобы коснуться его руки, он выронил полотенце с цветами, и лепестки рассыпались у наших ног.

— Джек?

Он убежал по коридору так быстро, будто кто-то поджёг его задницу.

Думаю, я могла бы предугадать такой исход. В конце концов, это была лечебница для душевнобольных. Но грязные слова лишь усилили мою пульсацию. Осталось лишь полчаса, а у меня не было даже грёбаного вибратора. Я могла позаботиться о себе сама и надеяться на лучшее.

Дверь в мою комнату была чуть ниже по коридору. Я забежала внутрь и закрыла её. Окно по-прежнему было открыто, и оттуда веяло прохладой в те моменты, когда дул ветерок. Я вошла в ванную. Френсис не хотела, чтобы меня было слышно. Но я могла быть тихой. И сотни раз делала это для Дикона.

Я выскользнула из своих хлопковых штанов, обуви и уставилась на гладкую и холодную поверхность раковины. Укус холода был неплох, но не настолько. Это было нечто совершенно другое. Я хотела тёплую кожу и чувство полноты. Хотела чувствовать.

Были причины, по которым я не прикасалась к себе. Весомые причины.

«Это возбуждает тебя, Фиона? То, что ты делаешь?»

Старо как мир. Отец поймал меня на стуле у окна.

«Потому что это — отвратительно».

Он стоял за мной, скрестив руки на груди, и наблюдал отражение всего процесса в окне. Я широко расставила ноги, сидя на стуле, и отмечала, как долго смогла продержаться прежде, чем кончить. Мне было пятнадцать, и любая уверенность в силе моих чувств и взрывов неожиданного возбуждения отсутствовала.

«Я знал, что один из вас будет таким. Семеро странных...»

Я так и не довела себя до оргазма, только подпрыгнула на стуле от звука его голоса, когда он показался, и всё ещё оставалась возбуждённой.

В ванной на открытое окно снаружи упала тень.

«Сто лет тому назад тебя бы выдали замуж до того момента, как ты опозорила бы всю семью. Но сейчас? Сейчас я не могу сделать ни черта. Я бы предпочёл зашить её».

Я размышляла лишь об одном.

Не могла забыть, но и не думала об этом. Хранила это в каком-то далёком уголке, в котором я не воплощала это в жизнь и не говорила об этом.

Я сидела на унитазе, расставив ноги и выгнув своё тело таким образом, что крышка унитаза впивалась в кожу. Это бы не сработало. Блядь. Я могла трахнуть себя пальцами, хотела их тепло, форму и умелые прикосновения.

Могла бы без проблем вставить тампон и удовлетворить себя, а после искупаться. Но я не прикасалась к себе с тех самых пор, как папа вошёл в комнату, покачивая своей головой. Он никогда не делал мне замечаний после этого, и я так и не узнала, рассказал ли он об этом маме. Но она чувствовала, что что-то не так, всегда была рядом и защищала меня от любых последствий. Хотя он мог бы натравить нас друг на друга. Я стала той, кому сёстры никогда не будут подражать. Плохим примером. Распутницей. И наслаждалась жизнью, решив, что они мне завидовали.

Но, Боже, оседлать грёбаный туалет — мне просто нужен был трах. До боли сильно. А в этой грёбаной дыре никого не было. Эллиот узнал бы. Он увидел бы желание во мне. Я бы сделала что-то импульсивное, и мне пришлось бы остаться.

Но мне было это необходимо, и я не просто так использовала это слово.

Я уже собиралась встать и подумать, но всё же решила поддаться импульсу. Я скользнула средним пальцем по клитору.

Резко вдохнула через рот. Тень снова пронеслось мимо окна, что-то уронив. Я забыла, насколько хорошо это было, насколько сильное электричество я чувствовала. Палец и клитор реагировали одновременно, и я была ослеплена этим.

Дверь ванной открылась. Я отдернула руку и открыла глаза.

Марк, санитар с татуировкой, произнёс:

— Что делаешь?

— Я в туалете, придурок.

Он стоял там, заняв почти все пространство дверного проёма. В его руках было бумажное полотенце Джека, из которого выглядывало несколько жёлтых лепестков.

— Дверь ванной была закрыта.

— Возможно, сейчас до тебя дойдёт почему?

— Конечно дойдёт, — но он так и не сдвинулся с места.

Мои глаза метнулись на ту часть тела, куда всегда перемещались, когда я чувствовала сильную пульсацию между ног. У него был член, и если он ещё не был твёрдым, то это очень сильно меня удивило бы. Я могла бы это исправить. Всё могло бы остаться секретом на... Сколько часов? Я бы пошла к Эллиоту и прояснила ситуацию, получив свою печать, и убралась бы нахер отсюда к Дикону. Пока, сучки.

— В ванной нет камер, так ведь?

Он осмотрел меня с головы до ног, сосредоточив взгляд на моих голых ногах и треугольнике между ними.

— На входе есть. Везде, кроме туалета.

— Слишком плохо. Потому что я чувствую себя как резиновая кукла для траха, — вновь набравшись смелости, я погладила свой животик указательным пальцем.

— Пять минут, красавица.

— Мне хватит трёх.

Он подмигнул мне:

— Стой там, где стоишь, — он закрыл за собой дверь на замок.

У меня было двадцать минут. Разрешено ли было опоздание на сеанс всего на пару минут? Я понятия не имела о том, кто докладывал об опозданиях, а также по какой причине они могли бы начать мои поиски. И я не была заинтересована в том, чтобы меня застукали с Марком.

Я села обратно и позволила пальцам вновь найти точку удовольствия. Не думала ни о чём, просто сфокусировалась на своих чувствах. Пульсация показала свою жадную голову, ведь в комнате появился настоящий тёплый член, и я могла справиться с задачей. Мне нужно было это, и с каждым уколом пульсации я двигала пальцем по клитору. Сладкий, всепоглощающий восторг. Бездумное ожидание, дрожь жизни, обрыв в глубокой бездне забытья.

И тогда он вернулся.

— Что ты сделал?

— Дружок следит за мониторами, — он закрыл дверь. — На колени, психопатка.

Он схватил меня за затылок и опустил на колени. Я дёрнула за пояс его штанов, освободив член Марка. Он пах антисептиком и немного щипал язык после того, как я облизала его.

— Боже, да. Ты грёбаная маленькая шлюха. Возьми его полностью.

Я посмотрела на него снизу вверх, округлив глаза. Я позволила ему скользнуть своим членом по моему языку глубоко в глотку. Он удерживал мою голову на пару секунд дольше, чем я могла выдержать.

Я встала.

— Просто трахни меня. Используй меня. Я буду твоей возбуждённой шлюшкой. Твоей куклой, которой ты сможешь управлять таким образом, каким только захочешь.

Он развернул меня и нагнул над унитазом. Я ухватилась за бачок. Марк достал презерватив, а я в это время смотрела на кафель. Надеялась, что он не захочет анал. Это всегда было приятно, но я бы не кончила без дополнительной стимуляции, и мне кажется, что он не старался бы. Марк вошёл в мою киску и сжал бёдра руками, проникнув внутрь и выходя обратно. Я выгнула спину так, чтобы его ствол мог тереться о мой клитор, и уже чувствовала приближение оргазма.

— Блядь, чтоб тебя, маленькая богатенькая сучка! Так тебе это нравится, не так ли? Нравится, когда я трахаю тебя так?

— Я шлюха. Трахни меня как шлюху. Да, именно *трахни* меня как богатенькую маленькую шлюху, — я знала, что подбирала правильные слова. Они заводили меня и заставляли его вколачиваться в меня всё сильнее. Я чувствовала, как оргазм начинал закручиваться в узел.

Было всё.

Его кожа на моей.

Галочка.

Нужный угол и открытость перед незнакомцем.

Галочка.

Ни комментариев, ни прелюдии.

Галочка.

Вдобавок небольшой риск.

Галочка, галочка, галочка.

Была вещь, о которой я забыла.

Сука. Время между охотой за сексом и оргазмом, даже получением этого оргазма, в половине случаев было утомительным.

Мне хотелось получить свой оргазм и нахер покончить с этим. Я не наслаждалась секундами секса перед оргазмом, но они приносили облегчение. И стали недостойным средством достойной цели. Стоны Марка раздражали. Его грязные слова не имели смысла. Я не хотела смотреть на него, поэтому наклонилась вперёд. Он считал и называл меня шлюхой. Скучно.

Я толкнулась ему навстречу.

— Жёстче, ублюдок. Вдалбливайся в меня! Порви мою киску!

Он шлёпнул меня по заднице и стал вколачиваться сильнее.

— Заткнись, сука!

Его яйца ударялись о мою киску, а член скользил по складкам. Я собиралась кончить. Почувствовала, как сжались и напряглись мои мышцы, но ощутила освобождение, а не радость. Просто хорошо выполненная работа.

Странное «ууфф» слетело с его губ, когда он кончил, и я закатила глаза.

Марк погладил меня по спине и заднице.

— Детка...

— Отвали. У меня есть дела.

— Почему должно быть именно так? — он снял презерватив и завернул его в туалетную бумагу.

Я выпрямилась.

— А как ещё это должно быть?

— Ты не хочешь, чтобы я был нежным?

— Думаешь, это ты использовал меня? Не смейся.

— Ты сумасшедшая?

— Чувак, ты в психиатрической лечебнице. Спустись на землю и убирайся нахер из моей ванной.

Он сунул презерватив себе в карман и застегнул штаны. Я потеряла к нему всяческий интерес, и он понял это только после того, как открыл дверь. Марк почти вышел за порог, но его мужская потребность оставить последнее слово за собой взяла верх.

— Шлюха.

— Последний сеанс, — начал Эллиот. — Как ты себя чувствуешь?

Он выглядел расслабленным, выбритым и счастливым. Я понятия не имела, насколько взволнованным он выглядел во время последних сессий.

— Я в порядке. Вы собираетесь меня выпустить?

— Могу лишь дать рекомендацию. После сеанса я сделаю заключение, и мы встретимся с Френсис и твоим адвокатом. Мне понадобится где-то час после сеанса. Твоя мать и адвокат уже здесь.

Я села на кушетку:

— Сегодня мы снова обратимся к гипнозу?

Он пожал плечами:

— Конечно, если ты к нему готова. Я хотел бы услышать о твоих самых недавних воспоминаниях. Вернёмся к последней вещи, которую ты помнишь.

Я легла на спину.

— Мы уже пробовали.

— Возможно, что-то изменилось, — он сел рядом со мной и взял ручку.

Я хотела бы встретиться с ним при других обстоятельствах. Когда он учился в семинарии, а я была счастливой маленькой шлюшкой для траха. Тогда всё могло бы быть нормальным. Это абсурдное чувство юмора довело бы меня до безумия, а моя аффлюэнца продолжала бы его разочаровывать.

— Кое-что изменилось, — произнесла я, хотя и не могла сказать, что же именно.

— Сосредоточься на конце ручки.

* * *

«Ты расслаблена?»

Да. Я чувствую свободу, которую не чувствовала никогда прежде. Чувствую себя исполненной надежды и благородства, возвышенности и меланхолии. Бодрой и воодушевлённой, готовой начать путешествие в жизнь после инцидента.

«Я хочу, чтобы ты подумала о поездке сюда, в Вестонвуд. Можешь её вспомнить?»

Не могу. Нет даже размытых силуэтов. Всё пусто.

«Вернись немного дальше. К конюшне. В тебя стреляли. Ты помнишь боль в руке?»

Чёрное становится серым, и я чувствую что-то в своей руке, словно меня проткнули твёрдым прутком. Я чувствую что-то ещё: kloкотание в груди, обескураженность от того, что меня от чего-то отделили. Не могу сказать, что происходит. Чувствую только то, что меня удерживают.

«Возвращайся дальше. К моменту перед выстрелом».

Не хочу. Чувствую, как сопротивление привязывает меня к забвению и ощущаю спокойствие незнания того, что произошло. Если я подожду ещё чуть-чуть, то, возможно, увижу, что же случилось, но не буду чувствовать. Возможно, смогу хладнокровно наблюдать как репортёр, записывающий реальные, а не выгодные для него факты. Если я позволю себе принять этот страх, мне удастся узнать. Поэтому я расслабляюсь в оковах страха, который

связывает и тянет моё тело, бросая в неизведанную чёрную пропасть в моей голове. Ожидаю, что вернусь к воспоминанию через минуту или две, через полчаса, но интуитивно, хоть и не могу сказать, когда и где, я знаю, что зашла слишком далеко.

Его дыхание касается моей щеки, и боль в руке пробегает от запястья к чувствительному местечку на бицепсе.

— Ты не смогла, — произносит он глубоким голосом. Он обнажённый, потрясающий, пахнет кровью и сексом. Прижимает меня к стене, и моя попка сжимается от прикосновения с холодной поверхностью.

Сожаление. Тонны сожаления. На мили в длину. Сожаление в самых глубинах моего сломленного духа.

— Мне жаль, — так ли это? Или я просто это говорю?

— Почему?

Запястья болят. Он так сильно прижимает меня к стене, словно я могу уйти и отвернуться от него. Но сейчас мне хочется убежать, исчезнуть, показав ему, что я могу бросить его так, как он бросил меня.

Я ёрзаю, но он давит сильнее и требует ответа.

— Почему?

— Отвали от меня!

— Скажи мне почему! — его глаза вспыхивают, оскал открывает зубы, будто он собирается впиться ими в мою глотку. — Почему?!

— Мне это нужно.

Слова слетают раньше, чем я успеваю подумать, и для него они превращаются в яд. Он неожиданно бьёт меня по лицу и отпускает. Я падаю на пол. Поднимаю на него глаза, он прикрывает рот рукой, словно не в силах поверить в то, что сделал. Он бил меня множество раз, но ещё ни разу тогда, когда был в гневе. Не тогда, когда я почти потерялась в мире подсознания. И раньше это всегда было в рамках спектакля.

Но ничто не сравнится с тем, что он делает дальше. Оковы моего страха начинают тянуть меня назад к безопасности, и я позволяю им.

«Что это? Что он делает?»

Я, наверное, очень долго молчала. Наверное, видела лицо Дикона, замершего в моём воспоминании на мгновение. Чувство того, что он делает что-то ужасное — всё, что у меня есть, но я не могу вспомнить, что это. Когда Эллиот спрашивает меня, что делает Дикон, я остаюсь, чтобы посмотреть.

— Прости, — произносит Дикон.

Я ничего не говорю. Лицо болит, и я чувствую вкус металла на языке. Мы стоим так вечно, или это время так растягивается в моей памяти. Это тот момент, когда я могу сказать ему, что со мной всё в порядке, что я злюсь, или то, что он может делать со мной всё что хочет.

Но не делаю ничего. Ни слов. Ни жестов.

Он уходит.

Не знаю, откуда это ощущение завершенности, которое я даже не чувствовала прежде, но оно здесь. Дверь спальни закрывается за ним, означая конец.

Я хочу проснуться. Не хочу наблюдать за эмоциями на своём лице, даже если я всего лишь парю над собой в воспоминаниях.

«Ты обеспокоена».

Пинкертон. Пинкертон. Пинкертон.

«Ладно. На счёт «три» ты проснёшься отдохнувшей и счастливой».

Аманда стоит рядом со своим розовым Бугатти, который мы называли Пинкертоном до того, как он стал убийцей. Она постукивает пальцами, стоя ровно, и улыбается мне. О, нет. Показалось.

«Один».

Я забираю у неё ключи и отдаю их Чарли. Открываю пассажирскую дверь спереди, без разницы, что это её машина. Пусть садится назад. Я не хочу, чтобы она раздражала Чарли, пока он будет за рулём.

«Два».

Я не в настроении умирать.

«Три».

* * *

— Ты ассоциируешь две вещи, — произнёс Эллиот. — Смерть Аманды и удар Дикона.

— Он бил меня постоянно. Это был способ возбудиться.

— Настолько сильно, чтобы выбить тебе зубы? — я услышала, как он заёрзал в кресле. Хотела сесть прямо, но ощущение в теле было такое, будто я превратилась в разбитое яйцо. — Обычно ты сидела на заднем сидении Пинкертона?

— Поскольку за рулём был Чарли, а машина принадлежала Аманде, то я должна была сидеть сзади. Это общественное мнение. Но Аманда становилась агрессивной, когда напивалась, и только Богу известно, что она могла учудить. Мне не хотелось волноваться о том, что у неё будет нервный срыв в тот момент, когда Чарли ведёт машину, потому что не было похоже, чтобы он был в лучшем состоянии.

— А удар Дикона?

— Он ушёл. Это была самая болезненная часть.

— Почему он ушёл?

Я вздохнула. Это была больная тема для нас. Наша тема.

— Он уезжал на несколько дней на шоу подвизывания в Сан-Диего. А из-за пульсации мне нужен был секс, и я получала его там, где только могла. Но пыталась сопротивляться этому. Хотела быть хорошей, но провалилась, понятно? Он выяснил, чем была вызвана моя измена. Я упаковала свои вещи и ушла. Это был последний раз, когда я видела его. До случая в конюшне, которого не помню.

— Так ты чувствуешь вину за то, что он ушёл?

— Чувствовала. Мы прекратили искать новых партнёров и трахаться направо и налево. У нас было соглашение.

— Считаю, тебе нужно пройти курс терапии после того, как ты отсюда выйдешь. Не думаю, что ты поняла свои чувства. У нас не было времени затронуть что-то в твоём прошлом.

— Конечно, Эллиот. Конечно.

— Я знаю, что у тебя нет доступа к внешнему миру здесь, но пресса только и ждёт того момента, когда ей кинут косточку. Тебе лучше поговорить об этом с кем-нибудь другим.

— Конечно. Я смогу найти кого-нибудь.

— Было приятно поговорить с тобой, Фиона. Я почти уверен, что знаю, в каком ключе ты о себе думаешь, но хочу, чтобы ты поверила, что это не так.

Я обернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Он выглядел как всегда расслабленным и уверенным. Средний палец прикасался к верхней губе, как будто без этого он не мог думать.

— Поверила во что? — спросила я.

— Что ты не являешься ничтожеством.

— Вы не знаете, о чём говорите.

— Ты чувственная и яркая личность. Смелая. В это ты поверить сможешь?

Он разозлил меня. Эллиот не имел права говорить мне о том, кем я являлась. Он знал меня всего три дня! Но если я стала бы с ним спорить и поставила бы его на место, то это стало бы ещё одной причиной для того, чтобы оставить меня гнить в этой серой комнате.

— Спасибо, док.

Он встал и открыл для меня дверь:

— Я хочу, чтобы ты помнила это, когда увидишь свою мать. Она в комнате для посетителей.

Марджи поймала меня в фойе по дороге к комнате для посетителей.

— Ты уже видела маму? — спросила я.

— Даже не знала, что она здесь. Я советовала ей остаться дома. Джонатан разбит из-за своей девушки, да и Терезе не лучше. Они разозлились на отца, но не могут сказать почему, из-за этой грёбаной типичной дрейзеновской херни. Уверена, что не хочешь здесь остаться?

— Уверена.

— Пресса готова жрать дерьмо, разрываясь между тобой и Джонатаном.

— К чёрту их.

— Лучше бы *меня* здесь заперли, — у неё запищал телефон, и она нажала на дисплей. —

Погоди минуту, это окружной прокурор, — она вчиталась в электронное сообщение. — С тебя снимут обвинения при условии, что ты останешься здесь, согласишься не оспаривать решение и не пропускать предварительные слушания. Но мы не соглашаемся на обвинение о нападении с отягощающими последствиями. Общественные работы. Хочется послать их на хер. Дикон отрицает всё, поэтому думаю, что они объявят залог и заседание с судом присяжных.

— Чего хочет пресса?

— Она хочет размазать тебя как плевков.

— Подай иск.

— Как твой адвокат, я бы этого не советовала.

Я пожала плечами:

— Я бы не ввязывалась, не имея информации. Или попросила бы Дикона изменить своё решение после того, как увидела бы его и извинилась. Просто возьму и сделаю это. Немного общественных работ меня не убьёт.

— Как твоя сестра, я это одобряю.

Я игриво улыбнулась ей, и она вернула мне такую же улыбку.

* * *

Рождественские гирлянды и лампочки убрали из комнаты для посетителей, потому что Рождество осталось позади. Мама расхаживала перед окном. Тонкие волосы были завязаны в пучок, а она постукивала пальцами по подбородку.

— Привет, мам.

Она повернулась лицом ко мне, и я поняла, что её присутствие здесь было не для того, чтобы поддержать меня на оглашении вердикта Эллиота. В её глазах полыхал огонь, а челюсть был плотно сжата. Она села на стул, словно выполняла работу.

— Что происходит? — спросила я.

— Как ты?

— Я в пор...

— Отец к тебе прикасался?

— Мам!

— Отвечай мне!! — она ударила ладонями по столу. Я подняла руки вверх и отступила

назад. Это было слишком. Мне нужно было время для раздумий и разговора с кем-нибудь. Ради Бога, мне нужно было вдохнуть. — Фиона, расскажи мне. Я защищу тебя. Встану на твою защиту от чего бы то ни было, только расскажи мне. Он когда-либо прикасался к тебе таким образом, что тебе было некомфортно?

— Нет, мам. Он никогда не прикасался ко мне неподобающим образом.

— А к твоим сёстрам?

— Почему ты спрашиваешь об этом сейчас? Мне двадцать три. Что случилось?

Мама вздохнула, а потом поджала губы: такая последовательность её жестов означала, что она сдерживала эмоции. Какую-то конкретную эмоцию. Я ничего не сказала. Моё сердце и так билось слишком быстро.

— Ходят слухи, что у него были отношения с девушкой, которая умерла.

— Девушкой Джонатана?

— Раньше, когда она была немного моложе, но да. Твой брат недавно узнал об этом, и это расстроило его, — она выровнялась на стуле. — Он когда-нибудь прикасался хоть к одной из твоих сестёр?

Впервые в жизни я хотела, чтобы мои желания не учитывались. Часы всё ещё тикали. Мы с сёстрами делали это. Поднимали наши руки и давали клятвы, и я пока не нарушила ни одну из них. Никто из нас не нарушил. У нас был кодекс молчания, и внутри него сидело отрицание, позор и долг.

— Я не могу сказать, — произнесла я. — Не прямо.

Лицо мамы смягчилось, а потом снова напряглось, словно от слёз оно сморщилось. Я достала коробку с салфетками и поставила перед ней.

— Так это правда, — выплюнула она прежде, чем разрыдаться.

— Это сложно, мам. Это не то, что ты думаешь, но я не могу сказать. Не имею права.

— Ты думаешь, что защищаешь кого-то, но думали ли вы о том, что... Что вы вредите друг другу своим молчанием?

— Да, я думала об этом.

— Чего ты боишься?

Боюсь? Я не боялась того, что у меня заберут деньги. У меня было больше, чем нужно, и их никто не тронул бы. Я не боялась, что мне запретят общаться со своими сёстрами и братом, потому что, когда мы были вместе, нас объединяла сильная связь.

Я боялась отца.

Всё происходило из-за него. Он использовал свои деньги и связи для того, чтобы создать хаос или порядок по своему усмотрению.

Но мама была разбита, да и насколько хуже всё может стать? Я уже плыла против течения. Какая разница, если я брошу своё весло в стремительную реку дерьма?

— Тебе лучше поговорить с Кэрри, — произнесла я, моментально пожалев о сказанном, но в то же время почувствовав освобождение от чего-то, подкравшегося слишком близко.

— Это была Кэрри? — пропищала она.

— Поговори с ней.

Она вытерла глаза, но слёзы тут же появились снова.

— Будь проклят этот большой дом, — она сложила и развернула салфетку. — Будь проклят каждый угол. Ты не видишь, что происходит. Ничего не слышишь. Мы избегали друг друга. Как это произошло? Как мы дошли до такого?

— Нас было восемь, мам. Тебе нужен был большой дом. Что тебе оставалось делать?

— Уделять внимание! Мне нужно было уделять внимание!

Мама подняла голову и посмотрела сквозь меня.

Марджи стояла в дверном проёме, и я проследила за её взглядом.

— Что происходит?

— Ничего, — ответила я. — Мама думает, что я являюсь сплошным разочарованием и ошибкой, — я, может, и была готова нарушить клятву, но не была готова признаться в этом. — Давай покончим с этим. Ты оплатишь мне обед «У Роберто». Я проголодалась, мне нужно выпить.

— Ты слишком молода для выпивки, — ответила Марджи, отступив, чтобы дать мне пройти.

— Ну, мне кое-что нужно.

— Как насчёт работы? — ответила она, обняв маму.

Я показала ей язык.

Мы ждали.

На твёрдой, современной, квадратной кушетке, но мы ждали. Я представляла, как Эллиот печатал и потирал верхнюю губу средним пальцем. Ждала, когда мама вернётся с парковки и будет меня задерживать, выпрашивая всё, что мне было известно, но я не знала ничего. Клянусь, мне было известно только то, что Кэрри говорила с Дейдрой и Шейлой о чём-то под клятвой. Это всё, что я знала. Возможно, я раздула из мухи слона.

Меня слегка трясло. Я собиралась выбраться отсюда. Пресса уже была снаружи и готовилась насадить мою голову или голову моего брата на кол. Узкий круг моих близких дружков по сексу и тех, с которыми я зависала, будут держаться подальше от меня и того внимания, притягиваемого мной со стороны масс-медиа. Отношения с Диконом пошли по наклонной. Аманда по-прежнему была мертва. Я сломала или, по крайней мере, надломила первоначальную связь и доверие, связывающие нас с моими сёстрами и братом.

Общественные работы надолго смогут отвлечь меня.

Я — скучающая, взволнованная и расстроенная — отправилась в столовую. Обед только начался. Персонал расставил подносы с эксклюзивной едой. Больше никогда их не увижу — этих людей, которые постоянно болтали — я даже не знала их имён. Я мысленно прощалась со столовой, двориком и дырами в системе наблюдения. Долго прощалась с серым потолком, плоскими светильниками и стерильными углами. Вошла Карен, тело которой состояло из жёстких углов и выпирающих через дряблую кожу костей. Я извинилась перед махавшей мне рукой Марджи и подошла к Карен, бросившей журнал на поднос.

— Эй, — произнесла я. — Примерно через двадцать минут я получу рекомендацию и выйду отсюда.

— Была рада снова тебя увидеть, — равнодушно ответила она.

— Позвони мне, когда попадёшь домой. Я серьёзно.

— Не думаю, что снова смогу повторить Оджай, — она покрутила корзинку с невероятно жёлтыми бананами, словно была не в силах выбрать один, хотя, на мой взгляд, они все выглядели одинаково.

— Да, я тоже, — ответила я, но это ли имелось в виду?

Дикон удерживал меня от такой жизни на протяжении многих месяцев, но я знала его и своё место. Возможно, он никогда не появится в моей жизни, но если именно таков будет сценарий, то что я *оставила*? А через что мне ещё придётся пройти? Я осознала, что не ждала ничего. Я была в ужасе от предстоящего разговора с Диконом, от пребывания в своём большом доме. Мне было плевать, увижу ли я Эрла или Чарли. Даже не хотела вникать в ситуацию с Мартином и Дебби. Но больше всего я не мечтала о вечеринках. Не хотела кокаин, но знала, что пойду и найду его в тот момент, когда мне станет скучно. Не хотела секса, но знала, что он понадобится мне тогда, когда станет грустно.

Карен добралась до дна корзинки. Банан на самом дне был почерневшим и мягким. Никто бы не захотел его. Она взяла его и положила себе на поднос вместо свежего и твёрдого.

Я разберусь со всем этим, когда приду домой. Возможно, тогда, когда буду вылизывать основание чьего-то члена или буду подвязанной к потолку как кусок мяса, но я разберусь. Мне просто нужно копнуть глубже. Настойчивей. Полное укрощение торнадо, в котором я

оказалась. С моих губ слетело нечто абсолютно неожиданное.

— Кое-что изменилось, — сказала я. — Не думаю, что буду жить так, как прежде.

— Да, — задумчиво ответила Карен, — если бы я знала, как остановиться, то сделала бы это.

— Это проблема. Я имею в виду себя. Проблема во мне, — произнесла я с лёгким смешком, словно попытавшись стереть то, что только что произнесла. Это была практика над размышлениями о том, что ещё можно было поменять. Словно прослушивание перед выздоровлением, чтобы посмотреть, смогла бы я выдержать эту роль или нет.

— Фиона, — заговорила Марджи, положив руку на моё плечо. — Нам пора.

Я обняла Карен:

— Прощай. Поешь что-нибудь, хорошо? Кожа да кости.

— Хорошо. Удачи снаружи.

Эллиот и Френсис вошли через стеклянную дверь, и я заметила, что он хмурился. Мы молча прошли в конференц-зал. Я попрощалась с линолеумом и садом по ту сторону окна. Молча, словно в молитве ко всем присутствующим, я попрощалась с Джеком, абсолютно не подходящим для секса, с Уорреном, который был ходячей катастрофой, и с Марком, ставшим одним из сотни или больше.

Я не знала, что ожидало меня снаружи. Не знала, примет ли Дикон меня обратно. Не предполагала, сможет ли пресса втоптать меня в грязь, но была готова выбраться из Вестонвуда. Это я могла сказать на все сто грёбаных процентов.

Мама так и не вернулась. Присутствовали лишь я, Марджи с Эллиотом и Френсис. Стол блестел своей лакированной поверхностью под горизонтальными полосками жалюзи на окнах. В центре стоял никому не нужный телефон для конференц-разговоров, провода от которого расходились в стороны как лапки паука. Я пыталась поймать взгляд Эллиота, но он посмотрел на меня только в тот момент, когда все заняли свои места. В его взгляде не было утешения, но Эллиот был из тех, кто никогда не допустит появления бреши в своей профессиональной выдержке.

Заправила прядь волос за ухо. Я хоть расчесалась? Почти состоялось моё возвращение в реальный мир, и мне была ненавистна сама мысль о том, что я сделаю это потрёпанной неряхой с лохматыми рыжими волосами и без макияжа. Меня поглотило чувство того, что я одной ногой уже стояла за порогом.

— Мисс Дрейзен, — обратилась Френсис к Марджи, — мы можем вам что-нибудь предложить?

— Может, выход на свободу?

Она улыбнулась так обезоруживающе, что это вызвало смех у Френсис, и напряжение в комнате слегка спало.

— Ну, благодарю за то, что пришли, — Френсис выглядела так, будто нанесла помаду на губы за пятнадцать минут до того, как прошла через стеклянную дверь. — Этот разговор записывается ради безопасности пациента, — я готова была засмеяться, но сумела подавить этот порыв. Френсис продолжила. — Доктор Чепмэн и я предоставим наши рекомендации судьбе и окружному прокурору города Лос-Анжелес по делу Фионы Мауры Дрейзен, — Френсис сложила руки перед собой и посмотрела мне в глаза. — После тщательного обсуждения с администрацией этой лечебницы и принятия к сведению совета доктора Чепмэна мы решили рекомендовать вам остаться в Вестонвуде или другом аккредитованном заведении для дополнительного наблюдения от четырнадцати до сорока пяти дней согласно Разделу 5250 закона Калифорнии о Социальном Обеспечении.

Я сглотнула:

— Что, простите?

— К чему вы клоните? — потребовала Марджи. — Она полностью дееспособна. Я видела, как отпускали более больных людей под их собственное честное слово.

— Во время своего пребывания здесь она три раза совершала нападения, — ответила Френсис.

Я выплюнула Эллиоту:

— Вы говорили, что это было из-за таблеток!

— Я говорил «возможно», — ответил он нежно. — Мне жаль, но...

Френсис прервала его.

— И она до сих пор не вспомнила инцидент.

— Не было никакого инцидента, — прорычала Марджи. — Можете спросить Дикона Брюса.

— Судья думает, что был, — ответила Френсис. — Он обеспокоен тем, что придётся выпустить на свободу женщину, у которой были психические припадки.

— Мы приняли сделку о признании вины.

— От обвинителя. Мнение судьи ставится в приоритет.

Марджи превосходно держала себя в руках, но я видела, как всё внутри неё закипало. Могла бы поспорить, что два терапевта за столом напротив нас видели то же самое.

— Наша рекомендация основана на том, что она будет находиться здесь для её же блага, — мягко произнёс Эллиот. Он закрыл свою маленькую папку и встал. — У меня сеанс через две минуты. Прошу прощения, — он кивнул каждому из нас и зашагал прочь.

Я была шокирована и сидела неподвижно. Что только что произошло?

У меня была полная уверенность того, что я покину это место. Я даже попрощалась с ним, проверила свою палату на наличие личных вещей, посмотрела на столовую в последний раз. Остаться здесь было хуже, чем признать поражение. Это было унижительно.

Как я вообще позволила этому ублюдку выйти отсюда?

Я развернулась на своём стуле и помчалась в зону приёма. Он едва ли переступил порог стеклянной двери.

— Эллиот, — позвала я. Он замедлился, словно раздумывал, что ему сделать. Мне пришлось пробежаться, чтобы догнать его. — Что случилось? Признайте же, что я не могу никому навредить.

Он покачал головой.

— Так будет лучше.

— У меня с вами завтра сеанс, и я не скажу ни слова до тех пор, пока вы не объясните мне произошедшее.

— Фиона, я...

— Можете сунуть конец ручки себе в задницу. Я сделаю вашу жизнь ещё более несчастной.

Он спокойно улыбнулся и посмотрел в пол.

— Я больше не твой лечащий врач. Возвращаюсь в Комптон.

— Чёрта с два ты возвращаешься!

— Прости, но я больше не могу здесь находиться. Думаю, с тобой всё будет в полном порядке. Ты прекрасно справляешься.

— Оставь свои банальности для того, кто в них нуждается.

Вена на его шее начала пульсировать, а глаза стали жестокими. Это был тот момент, когда я перешла грань, но не хотела этого. Его голос из мягкого превратился в грубый, и от каждого сказанного слова застывала кровь.

— Как только ты бы выбралась отсюда со своей сделкой о признании вины, тебя бы сожрали заживо. Возможно, пресса. Возможно, мужчина, которого ты почти убила. Возможно, в этот раз он убьёт тебя вместо того, чтобы просто сломать зуб. Поверь мне, судья по этому делу даже не собирается тебе помогать. У тебя нет ничего, что помогло бы выдержать жизнь снаружи. Ты вернёшься к наркотикам, и мне неинтересно, смог бы я сделать что-то ещё, чтобы помочь тебе. Лучше сделать это сейчас. Единственный способ защитить тебя.

— Вы должны были оценить мою психику, а не защищать меня.

Он поднял руки перед собой, постучав пальцем по своей папке.

— Всё сложно, Фиона. Это было последней стоящей вещью, сделанной мной в этом месте, и меня всё устраивает.

— Пошёл ты!

Он кивнул, заставив меня почувствовать себя капризным ребёнком. И что теперь? Он

собирался попросить и бросить меня? Нет. Я не согласна.

— Мы не закончили, — произнесла я.

— Прощай, Фиона. Встреча с тобой была для меня глотком свежего воздуха.

Я развернулась и побежала по коридору прежде, чем он сказал бы ещё хоть слово. Я не знала, что пыталась остановить. Возможно, товарный состав смешанных ожиданий, и раньше, чем он переедет меня? Возможно, момент, когда я проснусь и пойму, что облажалась и застряла здесь? Да, видит Бог, я не могла здесь оставаться, будучи отрезанной от всего ещё на месяц. Что-то нужно было предпринять, и если никто не сделает этого для меня, то придётся сделать это самостоятельно. Задохнувшись, я громко захлопнула стеклянную дверь.

Марджи стояла, уставившись на свой телефон.

— Тебе нужно вернуть сюда доктора Чепмэна, — выдохнула я. — Заставь их. Он не может уйти.

Марджи слышала меня. Я знала это. В этом я была права, но она не слушала.

— Я облажалась, — произнесла сестра.

— Как? Ты договорилась о сделке, они не могли...

— Папа был прав. У меня слишком мало опыта. Я могла бы надавить на судью, если бы лучше разбиралась в этом.

То, что она говорила, вышибло воздух из моих лёгких.

— Нет, — ответила я.

— Прости, Фиона. Я пыталась, но тебе нужен лучший адвокат. Я не справедлива к тебе.

— Не справедлива ко мне? Я здесь и сейчас не имею ничего и никого... Эллиот меня бросил, а теперь ещё и ты собираешься? Что мне делать? Марджи, как мне справиться с этим? Не оставляй меня! — я кричала и начала заламывать руки.

Марджи пыталась взять мои руки в свои и успокоить меня:

— Успокойся.

— Останься, и я успокоюсь. Останься со мной.

— Не могу. Это не лучший...

— Не оставляй меня! Не делай этого! Не надо!!

Когда я попыталась прижать её ближе, сомкнувшиеся вокруг руки начали оттаскивать меня от неё. Я чувствовала пол под собой, тени на свету, всевозможные голоса и даже намёк на нежность. В руке появился дискомфорт, словно на сгиб локтя с силой надавили пальцем. Вскоре после этого по рукам растеклась вялость, и всё вокруг накрыл серый туман.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

прим. пер.: близлежащий элитный район Лос-Анжелеса

прим. пер.: таблетки, анестетики

прим. пер.: опиоид, сильнодействующее обезболивающее

(прим. пер.: дорогостоящий гольф-клуб Лос-Анжелеса

прим. пер.: город в штате Калифорния

прим. пер.: ядовитое растение

прим. пер.: город в штате Калифорния, примерно в 538 км от Лос-Анжелеса

прим. пер.: частный университет имени Пеппердайна

прим. пер.: на Пасху в Америке одним из развлечений считается прыгание в обручах со склона горы. Такое развлечение стоит в одном ряду с поисками крашенных пасхальных яиц и шоколадных кроликов в парках США

прим. пер.: один из видов транквилизатора

прим. пер.: знаменитый сыщик 50-ых годов XIX века

прим. пер.: каньон в горах Санта-Моники, Калифорния

прим. пер.: медикамент, относящийся к классу психостимуляторов и амфетаминов

прим. пер.: «эпидемия» чрезмерного труда и повышенного чувства долга, или постоянная озабоченность своим материальным положением

прим. пер.: антидепрессант с сильным противотревожным действием